

Министерство образования и науки Украины
Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»

Байдак Т.М.

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

ПРОТОСОЦИОЛОГИЯ

ХРЕСТОМАТИЯ

**для студентов, обучающихся по направлению подготовки
6.030101 «Социология»**

Утверждено
редакционно-издательским советом
советом университета,
протокол № 1 от 23,06,1011

Харьков
НТУ «ХПИ»
2014

УДК 316.2
ББК 60.51
С60

Рецензенти: *Л. В. Колотова*, канд. соц. наук, доц. (Народная украинская академия);
Л. В. Перевалова, канд. филос. наук, доц. (НТУ «ХПИ»)

Хрестоматія складена відповідно до чинної програми курсу «Історія соціології». Хрестоматія містить фрагменти робіт мислителів і філософів, що жили до XIX століття і вивчали суспільство. Поряд з класичними творами в хрестоматію включено біографічні довідки про їх авторів. Після кожного твору пропонуються питання і завдання, робота над якими допоможе кращому засвоєнню змісту тексту твору і розвитку аналітичних навичок.

Призначена для студентів 2 курсу, які вивчають курс «Історія соціології», а також може бути рекомендовано усім студентам, що вивчають курси «Соціологія», «Політологія», «Філософія»

Байдак Т. М. История социологии. Протосоциология : хрестоматия для студентов, обучающихся по направлению подготовки 6.030101 «Социология» / Т. М. Байдак. – Харьков: НТУ «ХПИ», 2014. – 82 с. – На русск. яз.

Хрестоматия составлена в соответствии с действующей программой курса «История социологии». Хрестоматия содержит фрагменты работ мыслителей и философов, живших до XIX века и изучавших общество. Наряду с классическими произведениями в хрестоматию включены биографические справки об их авторах. После каждого произведения предлагаются вопросы и задания, работа над которыми поможет лучшему усвоению содержания текста произведения и развитию аналитических навыков.

Предназначена для студентов 2 курса, которые изучают курс «История социологии», а также может быть рекомендовано всем студентам, изучающим курсы «Социология», «Политология», «Философия».

Ил. 7. Библиогр. – 7 назв.

УДК 316.2
ББК 60.51
С60

© Байдак Т.М. 2014
© НТУ«ХПИ», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

История социологии как науки охватывает не более двух веков, в то время как ее предыстория уходит своими корнями в глубокую древность. В самом отдаленном прошлом человеческой жизни можно найти разнообразные идеи относительно того, как должно быть устроено общество, как управлять государством, как организовывать и вести хозяйство и т.п. Эти идеи накапливались и формировались в социальные учения в рамках философского знания. Особенностью первых социальных учений было то, что общество рассматривалось в них с позиции его идеального, наилучшего устройства, а не с позиции реального взаимодействия людей. Мыслители, философы прошлых эпох, занимаясь изучением общества, опирались не на систематическое изучение процессов, происходящих в нем, а на собственные впечатления и учения предшественников. Созданные ими социальные учения являлись своеобразной формой осмысления и объяснения социальных явлений своего времени. Эти учения заложили концептуальные основы развития социологической науки, но при этом остались органической частью философской науки. Совокупность созданных до XIX века социальных учений называется *протосоциологией*.

Данная хрестоматия охватывает протосоциологический период развития социологии. Она содержит в себе фрагменты произведений выдающихся социальных мыслителей, живших до XIX века, которые воплотили в своей научной деятельности принципы научности и гуманистичности в исследовании общества.

Каждый социолог, претендующий в наши дни на высокий профессионализм в своей области деятельности, обязан обладать не просто историко-социологической эрудицией, но и глубоким личным осмысленным отношением к историческому пути развития своей дисциплины, свободно ориентируясь при этом в различных направлениях социологической мысли, биографиях класси-

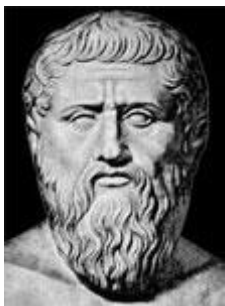
ков социологии, их произведениях. Их понятийный язык – это концептуальный язык современной социологии.

Данная хрестоматия призвана стать руководством для студентов-социологов и всех тех, кто стремится самостоятельно повысить свою социологическую культуру. Предлагаемая ставит целью ознакомить с разнообразием протосоциологической мысли, снабжает читателей целым набором теоретических «инструментов», которые позволяют перейти к самостоятельной работе в области истории социологии.

Изучение первоисточников является неотъемлемой частью подготовки специалистов в области социологии. Студенты направления подготовки 6.030101 «Социология», начиная знакомиться и работать с трудами классиков социологии, в том числе классиков протосоциологической мысли, в рамках курса «История социологии» второго года обучения, продолжают использовать полученные знания и навыки работы с первоисточниками на старших курсах для освоения спецкурсов.

ПЛАТОН

(428–348 до н.э.)

Греческий философ, родился в Афинах. Его настоящее имя Платона было Аристокл. Прозвище Платон, означает «широкоплечий», было ему дано в молодости за мощное телосложение. Происходил он из знатного рода и получил прекрасное образование. В 407 г. Платон стал учеником Сократа, что определило всю его жизнь и творчество, целых восемь лет до смерти Сократа он находился рядом с любимым учителем. Затем Платон переехал в Сицилию, в Сиракузы, где царствовал тиран Дионисий I. Там он подружился с молодым зятем тирана Дионом, пылким и великодушным принцем, которого вдохновили нравственные и политические идеалы Платона. Но Дионисий враждебно отнесся к тому, что Платон обрел такое влияние на Диона, и философу пришлось покинуть Сиракузы: его высадили на острове Эгина, находившемся в состоянии войны с Афинами, и продали в рабство. Выкупленный состоятельными друзьями, он вернулся на родину, основал собственную академию и полностью отдался преподавательской деятельности. Это место стало священной Меккой для образованных людей древности, и еще долго, целые века после смерти Платона, сюда стекались греки, римляне и варвары, чтобы поучиться у даровитых его преемников и прислушаться к шелесту крыльев витающего здесь гения. Умер Платон в возрасте 80 лет.

Сочинения Платона написаны в форме философских диалогов. Выдуманные герои в его диалогах, собравшись на дружескую пирушку, обсуждают самые разные темы, при этом каждое заседание, как правило, всегда посвящается только одному фундаментальному вопросу. Результаты мыслительных экспериментов Платона не бесполезны и для нынешних социологов, так как в ходе философских диалогов конструировались блестящие идеальные типы, в том числе и из социальной области.

ГОСУДАРСТВО

Книга восьмая

Итак, ты знаешь, что у различных людей непременно бывает столько же видов духовного склада, сколько существует видов государственного устройства. Или ты думаешь, что государственные устройства рождаются неведь откуда – от дуба либо от скалы, а не от тех нравов, что наблюдаются в государствах и влекут за собой все остальное, так как на их стороне перевес?..

Человека, соответствующего правлению лучших – аристократическому, мы уже разобрали и правильно признали его хорошим и справедливым...

Теперь нам надо описать и худших, иначе говоря, людей, соперничающих между собой и честолубивых..., затем человека олигархического, демократического и тиранического, чтобы, указав на самого несправедливого, противопоставить его самому справедливому...

Ну, так давай попытаемся указать, каким образом из аристократического правления может получиться тимократическое...

...Трудно пошатнуть государство, устроенное таким образом. Однако раз всему, что возникает, бывает конец, то даже и такой строй не сохранится вечно, но подвергнется разрушению. Означать же это будет следующее: урожай и неурожай бывает не только на то, что произрастает из земли, но и на то, что на ней обитает, – на души и на тела, всякий раз, как круговращение приводит к полному завершению определенного цикла: у недолговечных существ этот цикл краток, у долговечных – наоборот. Когда железо примешается к серебру, а медь – к золоту, возникнут отклонения и нелепые сочетания, а это, где бы оно не случилось, сразу порождает вражду и раздор.

Борясь и соперничая друг с другом, они пришли наконец к чему-то среднему: согласились установить частную собственность на землю и дома, распределив их между собою, а тех, кого до той поры они охраняли как своих свободных друзей и кормильцев, решили обратить в рабов, сделав из них сельских рабчих и слуг, сами же занялись военным делом и сторожевой службой.

Там побоятся ставить мудрых людей на государственные должности, потому что там уже нет подобного рода простосердечных и прямых людей, а есть лишь люди смешанного нрава; там будут склоняться на сторону тех, кто ярост-

ны духом, а также и тех, кто попроще – скорее рожденных для войны, чем для мира; там будут в чести военные уловки и ухищрения, ведь это государство будет вечно воевать...

Такого рода люди будут жадны до денег, как это водится при олигархическом строе; в омрачении они, как дикари, почитают золото и серебро, у них заведены кладовые и домашние хранилища, чтобы все это прятать, свои жилища они окружают оградой, и там, прямо-таки как в собственном логове, они тратятся, не считаясь с расходами, на женщин и на кого угодно...

Удовольствиям они предаются втайне, убегая от закона, как дети от строгого отца, ведь воспитало их насилие, а не убеждение...

...Одно только там бросается в глаза – соперничество и честолюбие, так как там господствует яростный дух.

Каким же станет человек в соответствии с этим государственным строем?

Он жесточе, менее образован и, хотя ценит образованность и охотно слушает других, сам, однако, нисколько не владеет словом. С рабами такой человек жесток, хотя их и не презирает, так как достаточно воспитан; в обращении со свободными людьми он учтив, а властям чрезвычайно послушен; будучи властолюбив и честолюбив, он считает, что основанием власти должно быть не умение говорить или что-либо подобное, но военные подвиги и вообще все военное, потому-то он и любит гимнастику и охоту.

Следующим после этого государственным строем была бы, как я думаю, олигархия...

Это строй, основывающийся на имущественном цензе; у власти стоят там богатые, а бедняки не участвуют в правлении...

Скопление золота в кладовых у частных лиц губит тимократию... Чем больше они ценят дальнейшее продвижение по пути наживы, тем меньше почитают они добродетель.

Раз в государстве почитают богатство и богачей, значит, там меньше ценятся добродетель и ее обладатели...

А люди всегда предаются тому, что считают ценным, и пренебрегают тем, что не ценится...

Кончается это тем, что вместо стремления выдвинуться и удостоиться почестей развивается склонность к стяжательству и наживе и получают одоб-

рение богачи — ими восхищаются, их назначают на государственные должности, а бедняки там не в почете...

Установление имущественного ценза становится законом и нормой олигархического строя: чем более этот строй олигархичен, тем выше ценз; чем менее олигархичен, тем ценз ниже. Заранее объявляется, что к власти не допускаются те, у кого нет установленного имущественного ценза. Такого рода государственный строй держится применением вооруженной силы или же был еще прежде установлен путем запугивания...

...Подобного рода государство неизбежно не будет единым, а в нем как бы будут два государства: одно — бедняков, другое — богачей. Хотя они и будут населять одну и ту же местность, однако станут вечно злоумышлять друг против друга.

Но нехорошо еще и то, что они, пожалуй, не смогут вести какую бы то ни было войну, так как неизбежно получилось бы, что олигархи, дав оружие в руки толпы, боялись бы ее больше, чем неприятеля... Вдобавок они не пожелали бы тратить на войну, так как держатся за деньги...

Вслед за тем давай рассмотрим и соответствующего человека — как он складывается и каковы его свойства.

...Пострадав и потеряв состояние, даже испугавшись, думаю я, за свою голову, он в глубине души свергает с престола честолюбие и присущий ему прежде яростный дух. Присмирив из-за бедности, он ударяется в стяжательство, в крайнюю бережливость и своим трудом понемногу копит деньги.

...Кроме богатства и богачей, ничто не будет вызывать у него восторга и почитания, а его честолюбие будет направлено лишь на стяжательство и на все то, что к этому ведет.

Он бережлив и деятелен, удовлетворяет лишь самые насущные свои желания, не допуская других трат и подавляя прочие влечения как пустые.

После этого, как видно, надо рассмотреть демократию — каким образом она возникает, а возникнув, какие имеет особенности, — чтобы познакомиться в свою очередь со свойствами человека подобного склада и вынести о нем свое суждение...

Олигархия переходит в демократию примерно следующим образом: причина здесь в ненасытной погоне за предполагаемым благом, состоящим якобы в том, что надо быть как можно богаче...

Да ведь при олигархии правители, стоящие у власти, будучи богатыми, не захотят ограничивать законом распущенность молодых людей и запрещать им расточать и губить свое состояние; напротив, правители будут скупать их имущество или давать им под проценты ссуду, чтобы самим стать еще богаче и могущественнее.

В таком государстве эти люди, думаю я, сидят без дела, но зато у них есть и жало, и оружие; одни из них кругом в долгах, другие лишились гражданских прав, а иных постигло и то, и другое; они полны ненависти к тем, кто владеет теперь их имуществом, а также и к прочим и замышляют переворот.

Между тем дельцы, поглощенные своими делами, по-видимому, не замечают таких людей; они приглядываются к остальным и своими денежными ссудами наносят раны тем, кто податлив; взимая проценты, во много раз превышающие первоначальный долг, они разводят в государстве множество трутней и нищих.

Что же касается самих правителей и их окружения, то молодежь у них избалованная, ленивая телом и духом и слабая; у нее нет выдержки ни в страданиях, ни в удовольствиях, и вообще она бездеятельна.

Самим же им, кроме наживы, ни до чего нет дела, а о добродетели они радеют ничуть не больше, чем бедняки.

...Нередко бывает, что человек неимущий, худой, опаленный солнцем, оказавшись во время боя рядом с богачом, выросшим в тенистой прохладе и нагулявшим себе за чужой счет жирок, видит, как тот задыхается и совсем растерялся. Разве, по-твоему, этому бедняку не придет на мысль, что подобного рода люди богаты лишь благодаря малодушию бедняков, и разве при встрече без посторонних глаз с таким же бедняком не скажет он ему: «Господа-то наши – никчемные люди» ?..

Подобно тому, как для нарушения равновесия болезненного тела достаточно малейшего толчка извне, чтобы ему расхвораться, – а иной раз расстройство в нем бывает и без внешних причин, – так и государство, находящееся в подобном состоянии, заболевает и воюет само собой по малейшему поводу...

Демократия, на мой взгляд, осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравниют в гражданских правах и в замещении государственных

должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию.

В демократическом государстве нет никакой надобности принимать участие в управлении, даже если ты к этому и способен; необязательно и подчиняться, если ты не желаешь, или воевать, когда другие воюют, или соблюдать, подобно другим, условия мира, если ты мира не жаждешь. И опять-таки, если какой-нибудь закон запрещает тебе управлять либо судить, ты все же можешь управлять и судить, если это тебе придет в голову. Разве не чудесна на первый взгляд и не соблазнительна подобная жизнь?

Эти и подобные им свойства присущи демократии – строю, не имеющему должного управления, но приятному и разнообразному. При нем существует своеобразное равенство – уравнивающее равных и неравных.

Как из олигархии возникла демократия, не так ли и из демократии получается тирания?..

Благо, выдвинутое как конечная цель – в результате чего и установилась олигархия, было богатство, не так ли?..

А ненасытное стремление к богатству и пренебрежение всем, кроме наживы, погубили олигархию...

Так вот и то, что определяет, как благо, демократия и к чему она ненасытно стремится, именно это ее и разрушает.

...В демократическом государстве только и слышишь, как свобода прекрасна и что лишь в таком государстве стоит жить тому, кто свободен по своей природе...

Так вот... такое ненасытное стремление к одному и пренебрежение к остальному искажает этот строй и подготавливает нужду в тирании...

Граждан, послушных властям, там смешивают с грязью как ничего не стоящих добровольных рабов, зато правителей, похожих на подвластных, и подвластных, похожих на правителей, там восхваляют и почитают как в частном, так и в общественном обиходе.

Но крайняя свобода для народа такого государства состоит в том, что купленные рабы и рабыни ничуть не менее свободны, чем их покупатели.

...именно из этого правления, такого прекрасного и по-юношески дерзкого, и вырастает тирания...

...В самом деле, все чрезмерное обычно вызывает резкое изменение в противоположную сторону, будь то состояние погоды, растений или тела. Не меньше это наблюдается и в государственных устройствах...

Ведь чрезмерная свобода, по-видимому, и для отдельного человека, и для государства оборачивается не чем иным, как чрезвычайным рабством...

Так вот, тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из демократии; иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство.

...появление особого рода людей, праздных и расточительных, под предводительством отчаянных смельчаков, за которыми тянутся и не столь смелые, мы их уподобили трутням, часть которых имеет жало, а часть его лишена.

Оба этих разряда, чуть появятся, вносят расстройство в любой государственный строй, как воспаление и желчь – в тело. И хорошему врачу, и государственному законодателю надо заранее принимать против них меры не менее, чем опытному пчеловоду, – главным образом, чтобы не допустить зарождения трутней, – но, если уж они появятся, надо вырезать вместе с ними и соты.

Разделим мысленно демократическое государство на три части – да это и в действительности так обстоит. Одну часть составят подобного рода трутни: они возникают здесь хоть и вследствие своеволия, но не меньше, чем при олигархическом строе...

Там они не в почете, наоборот, их отстраняют от занимаемых должностей, и потому им не на чем набить себе руку и набрать силу. А при демократии они, за редкими исключениями, чуть ли не стоят во главе: самые ядовитые из трутней произносят речи и действуют, а остальные усаживаются поближе к помосту, жужжат и не допускают, чтобы кто-нибудь говорил иначе. Выходит, что при таком государственном строе всем, за исключением немногого, распоряжаются подобные люди.

Из дельцов самыми богатыми большей частью становятся и наиболее собранные по природе... Таких богачей обычно называют сотами трутней.

Третий разряд составляет народ – те, что трудятся своими руками, чужды делячества, да и имущества у них немного. Они всего многочисленнее и при демократическом строе всего влиятельнее, особенно когда соберутся вместе.

...Когда появляется тиран, он вырастает именно из этого корня, то есть как ставленник народа.

Он тот, кто подымает восстание против обладающих собственностью...

Если он потерпел неудачу, подвергся изгнанию, а потом вернулся – назло своим врагам, – то возвращается он уже как законченный тиран.

В первые дни, вообще в первое время он приветливо улыбается всем, кто бы ему ни встретился, а о себе утверждает, что он вовсе не тиран; он дает много обещаний частным лицам и обществу; он освобождает людей от долгов и раздает землю народу и своей свите. Так притворяется он милостивым ко всем и кротким...

Когда же он примирится кое с кем из своих врагов, а иных уничтожит, так что они перестанут его беспокоить... первой его задачей будет постоянно вовлекать граждан в какие-то войны, чтобы народ испытывал нужду в предводителе... да и для того, чтобы из-за налогов люди обеднели и перебивались со дня на день, меньше злоумышляя против него...

А если он заподозрит кого в вольных мыслях и в отрицании его правления, то таких людей он уничтожит под предлогом, будто они предались неприятелю. Ради всего этого тирану необходимо постоянно будоражить всех посредством войны...

Но такие действия делают его все более и более ненавистным для граждан.

Между тем и некоторые из влиятельных лиц, способствовавших его возвышению, станут открыто, да и в разговорах между собой выражать ему недовольство всем происходящим – по крайней мере те, кто посмелее...

Чтобы сохранить за собой власть, тирану придется их всех уничтожить, так что в конце концов не останется никого ни из друзей, ни из врагов, кто бы на что-то годился...

Значит, тирану надо зорко следить за тем, кто мужествен, кто великодушен, кто разумен, кто богат. Велико же счастье тирана: он поневоле враждебен всем этим людям и строит против них козни, пока не очистит от них государство.

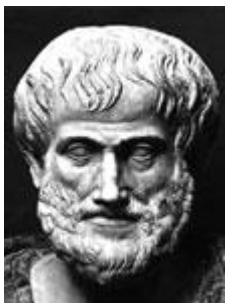
По пословице, «избегая дыма, угодишь в огонь»; так и народ из подчинения свободным людям попадает в услужение к деспотической власти и свою неумеренную свободу меняет на самое тяжкое и горькое рабство – рабство у рабов.

Задания к тексту:

1. Определите причины возникновения совершенного государства (общества).
2. Опишите формы общественного устройства.
3. Выделите критерии, позволяющие отличать одну форму от другой.
4. Поясните причины социополитической динамики.
5. Проанализируйте круговорот форм общественного устройства.
6. Объясните, почему из демократии неизбежно вырастает тирания.

АРИСТОТЕЛЬ

(384–322 до н.э.)

Один из величайших философов Греции родился в Стагире, греческой колонии во Фракии. Его отец был придворным врачом македонского царя. Рано потеряв родителей, Аристотель отправился сначала в Атарней, в Малой Азии, а затем на 18-м году, – в Афины, где прожил целые 20 лет. Там, под влиянием Платона, лекции которого Аристотель слушал также усердно, как изучал его сочинения, дух ученика развился так быстро и мощно, что он скоро занял самостоятельное положение относительно своего учителя. После смерти Платона (347 до Р. Х.) переехал к атарнейскому тирану Гермению.

Аристотель получил греческое образование и был носителем этого языка, он симпатизировал демократическому образу правления, но в то же время он был подданным македонского правителя. В 343 г. македонский царь Филипп призвал его к своему двору и вверил ему воспитание своего сына, тринадцатилетнего Александра. Аристотель провел со своим воспитанником первые годы его царствования, но, когда Александр отправился в поход в Азию, Аристотель уехал в Афины. Философу в то время было пятьдесят лет. В 334 г. Аристотель снова переехал в Афины и основал там свою школу в Лицее. Школа его получила название школа перипатетиков (гуляющих философов), оттого, что он имел привычку во время преподавания ходить взад и вперед (*peripatein*). Через некоторое время философ был вынужден расстаться с тихой и мирной жизнью, отданной науке, из-за политических страстей афинян, для которых Аристотель стал неуютен благодаря своим прежним отношениям к Александру и вообще своим македонским симпатиям. Аристотель, понимая, что дело идет не о правом суде и что судьба его предрешена уже заранее, покинул Афины (на тот момент ему было 62 года. Он переселился в Халкис на Эвбее, куда за ним последовала толпа учеников и где через несколько месяцев он умер от болезни желудка.

Система Аристотеля содержит много элементов социологического знания. Аристотель стоял у истоков научного знания о социальном управлении,

он пытался подвести теоретическую основу под процесс управления. Рассматривая государство как синтез всех форм общения для достижения высшего блага, Аристотель говорил о необходимости науки, которая бы обеспечивала реализацию этой цели.

ПОЛИТИКА

Книга первая (А)

(1252a) I 1. Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся (stokhadzontai) к тому или иному благу, причем больше других, (5) и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим.

8. Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и (30) возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство – продукт естественного возникновения, как и первичные общения: оно является их завершением, в завершении же сказывается природа.

9. Из всего сказанного явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо (5) сверхчеловек...

10. Что человек есть существо общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные, ясно из следующего: природа, согласно нашему утверждению, ничего не делает напрасно; между (10) тем один только человек из всех живых существ одарен речью. Голос выражает печаль и радость, поэтому он свойствен и остальным живым существам (поскольку их природные свойства развиты до такой степени, чтобы ощущать радость и печаль и передавать эти ощущения друг другу). Но речь способна выражать и то,

что полезно и что вредно, равно как и то, что (15) справедливо и что несправедливо.

11. Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий как добро и зло, справедливость и несправедливость и т.п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства. Первичным по природе является государство (20) по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части...

Книга третья (Г)

(30) I 1. Исследователю видов государственного строя и присущих им свойств надлежит прежде всего подвергнуть рассмотрению вопрос о государстве вообще и разобрать, что такое собственно государство. В настоящее время на этот счет существует разногласие; одни (35) утверждают, что то или иное действие совершило государство, другие говорят: нет, не государство, а олигархия или тиран. В самом деле, мы видим, что вся деятельность государственного мужа и законодателя направлена исключительно на государство (polis), а государственное устройство (politeia) есть известная организация обитателей государства. 2. Ввиду того что (40) государство представляет собой нечто составное, подобное всякому целому, по состоящему из многих частей, ясно, что сначала следует определить, что такое гражданин (polites), ведь государство есть совокупность (1275a) граждан. Итак, должно рассмотреть, кого следует называть гражданином и что такое гражданин. Ведь часто мы встречаем разногласие в определении понятия гражданина: не все согласны считать гражданином одного и того же; тот, кто в демократии гражданин, (5) в олигархии часто уже не гражданин.

3. ... Гражданин является таковым ... не в силу того, что он живет в том или ином месте: ведь... и рабы также имеют свое местожительство наряду с гражданами, а равным образом не граждане и те, кто (10) имеет право быть истцом и ответчиком, так как этим правом пользуются и иноземцы на основании заключенных с ними соглашений (таким именно правом они пользуются)...

Лучше всего безусловное понятие гражданина может быть определено через участие в суде и власти. Некоторые из должностей бывают временными: один и тот же человек либо вообще не может занимать их (25) вторично, либо

может занимать, но лишь по истечении определенного времени; относительно же других ограничения во времени нет — сюда относится участие в суде и в народном собрании. 5. Однако, пожалуй, кто-нибудь заметит, что судьи и участники народного собрания не являются должностными лицами и что в силу этого они не принимают участия в государственном управлении, хотя, с другой стороны, было бы смешно считать лишенными власти именно тех, кто выносит важнейшие решения. Но это не имеет никакого значения, (30) так как речь идет только о названии. В самом деле, общего обозначения для судей и участников народного собрания не существует; пусть эти должности и останутся без более точного определения, лишь бы были разграничены понятия. Мы же считаем гражданами тех, кто участвует в суде и в народном собрании. Примерно такое определение понятия гражданина лучше всего подходит ко всем тем, кто именуется гражданами.

(35) 6. Не следует упускать из виду, что для предметов, содержание которых обнаруживает видовые различия, так что один из них является первым, другой — вторым, третий — следующим, общего признака либо не бывает вовсе, либо он имеется лишь в недостаточной степени. Между тем государственные устройства представляют собой видовые различия, и одни из них заслуживают (1275b) этого наименования в меньшей, другие — в большей степени; ведь основанные на ошибочных началах и отклоняющиеся от правильных, государственные устройства неизбежно стоят ниже тех, которые свободны от этих недостатков (что мы разумеем под отклоняющимися видами, выяснится впоследствии). Таким образом, и гражданин должен быть тем или иным в зависимости от того или иного вида государственного (5) устройства. Тот гражданин, о котором сказано выше, соответствует преимущественно гражданину демократического устройства; к остальным видам государственного устройства это определение подходить может, но не обязательно.

7. При некоторых видах государственного устройства демоса нет, нет и обыкновения созывать народные собрания, за исключением чрезвычайных случаев, и судебные полномочия поделены между разными должностными лицами...

8. Значит, наше определение понятия гражданина нуждается в поправке: при других государственных устройствах участником народного (15) собрания и судьей является не поддающееся определению должностное лицо, а лицо, наделенное определенными полномочиями: из них или всем, или некоторым

предоставляется право быть членами совета и разбирать либо все судебные дела, либо некоторые из них. Что такое гражданин, отсюда ясно. О том, кто имеет участие в законосовещательной или судебной власти, мы можем утверждать, что он и является гражданином (20) данного государства. Государством же мы и называем совокупность таких граждан, достаточную, вообще говоря, для самодовлеющего существования.

9. На практике гражданином считается тот, у кого родители – и отец, и мать – граждане, а не кто-либо один из них. Другие идут еще дальше в этом отношении и требуют, например, чтобы предки гражданина во втором, третьем и даже более отдаленном колене (25) были также гражданами. Но при таком необходимом в государственных целях и поспешном определении иногда возникает затруднение, как удостовериться в гражданском происхождении предка в третьем или в четвертом колене...

10. Требование это встречает еще большее затруднение в том случае, (35) когда кто-либо получил гражданские права благодаря изменению государственного устройства... . Так как мы определили понятие гражданина в зависимости от отношения его к той или иной должности, а (5) именно сказали, что гражданин – тот, кто имеет доступ к такой-то должности, то занимающих должности нам явно следует считать гражданами, а по праву ли они граждане или не по праву – это стоит в связи с указанным выше спорным вопросом.

Некоторые затрудняются решить, когда то или иное действие должно быть признаваемо действием государства и когда – нет; например, при переходе олигархии (10) или тирании в демократию некоторые отказываются от исполнения обязательств, указывая на то, что эти обязательства взяло на себя не государство, а тиран, равно как и от многого другого подобного же рода, ссылаясь на то, что некоторые виды государственного устройства существуют благодаря насилию, а не ради общей пользы.

11. Хотя бы некоторые и управлялись демократически таким способом, все же (15) должно признавать действия, исходящие от правительства такого демократического государства, действиями государственными, равно как и действия, исходящие от правительств олигархических и тиранических государств.

Поставленный нами вопрос, по-видимому, соприкасается с трудноразрешимым вопросом такого рода: при каких обстоятельствах должно утверждать, что государство осталось тем же самым или стало не тем же (20) самым, но

иным? При самом поверхностном рассмотрении это вопрос о территории и населении, ведь можно себе представить, что территория и население разъединены и одни живут на одной территории, другие на другой. Но это затруднение сравнительно простое (ввиду того что слово “государство” употребляется в разных значениях, исследование вопроса становится (25) легким).

12. Равным образом, если люди живут на одной и той же территории, когда следует считать, что здесь единое государство? Разумеется, дело не в стенах, ведь весь Пелопоннес можно было бы окружить одной стеной. Чем-то подобным является Вавилон и всякий город, представляющий собой скорее племенной округ, нежели государственную общину: по рассказам, (30) уже три дня прошло, как Вавилон был взят, а часть жителей города ничего об этом не знала...

13. Но допустим, что одна и та же территория заселена одними и теми же обитателями; (35) спрашивается: до тех пор, пока обитатели ее будут одного и того же происхождения, следует ли их государство считать одним и тем же, несмотря на то что постоянно одни умирают, другие нарождаются? Не происходит ли здесь то же, что бывает с реками и источниками? Мы обыкновенно называем и реки, и источники одними и теми же именами, хотя непрерывно одна масса воды прибывает, другая убывает. Или ввиду (40) такого рода обстоятельств следует считать только (1276b) обитателей одними и теми же, а государство признавать иным? Если государство есть некое общение – а оно именно и есть политическое общение граждан, – то естественно, раз государственное устройство видоизменяется и отличается от прежнего, и государство признавать не одним и тем же; ведь различаем же мы (5) хоры – хор в комедии, хор в трагедии, хотя часто тот и другой хор состоит из одних и тех же людей.

14. Точно так же мы называем иным всякого рода общение и соединение, если видоизменяется его характер; например, тональность, состоящую из одних и тех же тонов, мы называем различно: в одном случае – (10) дорийской, в другом – фригийской. А если так, тождественность государства должна определяться главным образом применительно к его строю; давать же государству наименование иное или то же самое можно и независимо от того, населяют ли его одни и те же жители или совершенно другие. Справедливо ли при изменении государством его устройства не выполнять (15) обязательства или выполнять их – это вопрос иного порядка.

II 1. Непосредственно вслед за только что изложенным необходимо рассмотреть вопрос: должно ли добродетель хорошего человека и дельного гражданина признавать тождественной или нетождественной?

Впрочем, если приходится исследовать этот вопрос, нужно предварительно определить какими-нибудь общими (20) чертами добродетель гражданина. Гражданин, говорим мы, находится в таком же отношении к государству, в каком моряк на судне – к остальному экипажу. Хотя моряки на судне занимают неодинаковое положение: один из них гребет, другой – правит рулем, третий – состоит помощником рулевого, четвертый – носит какое-либо иное соответствующее наименование, все же, очевидно, наиболее точное определение добродетели (25) каждого из них в отдельности будет подходить только к нему одному, но какое-либо общее определение будет приложимо в равной степени ко всем; ведь благополучное плавание – цель, к которой стремятся все моряки в совокупности и каждый из них в отдельности.

2. То же самое и по отношению к гражданам: хотя они и не одинаковы, все же их задача заключается в спасении составляемого ими общения, а общением (30) этим является государственный строй. Поэтому и гражданская добродетель неизбежно обуславливается этим последним. А так как существует несколько видов государственного строя, то очевидно, что добродетель дельного гражданина, добродетель совершенная, не может быть одною, между тем как мы называем кого-либо хорошим человеком за совершенство в единой добродетели. Отсюда ясно, что всякий гражданин (35) может быть дельным, не обладая той добродетелью, которая делает дельным человека.

3. Можно, впрочем, прийти к тому же самому заключению иным путем, исходя из исследования вопроса о наилучшем государственном устройстве. Если возможно допустить существование государства, состоящего исключительно из дельных граждан, то каждый из них должен исполнять полагающееся ему дело хорошо, что зависит от (40) добродетели гражданина. Но так как невозможно всем (1277а) гражданам быть одинаковыми, то не может быть и одной добродетели гражданина и хорошего человека; добродетель дельного гражданина должна быть налицо у всех граждан, ибо только в таком случае государство оказывается наилучшим, но добродетелью хорошего человека не могут обладать все, если только не предполагать, (5) что все граждане в отменном государстве должны быть хорошими.

4. Далее, государство заключает в себе неодинаковые элементы; подобно тому как всякий человек состоит из души и тела, а душа в свою очередь заключает в себе разум и страсти или подобно тому как семья состоит из мужчины и женщины, а собственность заключает в себе господина и раба, точно так же и государство включает в себя все это да (10) еще, сверх того, и другие, неодинаковые элементы. Отсюда неизбежный вывод: добродетель всех граждан не может быть одной...

5. Итак, из сказанного ясно, что добродетель хорошего человека и дельного гражданина вообще не одна и та же. Но не может ли она у кого-нибудь быть таковою? (15) Ведь говорим же мы, что дельный правитель должен быть хорошим и рассудительным, а государственный муж непременно должен быть рассудительным...

6. Если добродетель хорошего человека и хорошего правителя тождественны, а гражданином является и подчиненный, то добродетель гражданина и добродетель человека не могут быть совершенно тождественными, но могут быть таковыми только у определенного вида гражданина, так как у правителя и гражданина добродетель не одна и та же...

7. Способность властвовать и подчиняться заслуживает похвалы, и добродетель гражданина, по-видимому, и заключается в способности прекрасно и властвовать, и подчиняться. Итак, если мы положим, что добродетель хорошего мужа есть способность властвовать, а добродетель гражданина – и то и другое, то обе эти добродетели не заслуживали (30) бы одинаковой похвалы. Но так как ... властитель и подчиненный должны изучать не одно и то же, а гражданин должен уметь то и другое и быть причастным к тому и другому... Это можно усматривать и из следующего.

8. Существует власть господина; под этой властью мы понимаем такую власть, которая проявляется относительно работ первой необходимости: правителю нет нужды уметь исполнять эти работы, (35) он, скорее, должен пользоваться ими; в противном случае положение было бы вроде рабского; я имею в виду положение, когда свободный человек исполняет работы, подобающие слугам. Мы утверждаем, что есть разные виды рабов, так как существует и много видов работ. Одну часть этих работ исполняют ремесленники... Поэтому в некоторых государствах в древнее время, пока там не была установлена крайняя демократия, ремесленники не имели доступа к государственным должностям.

9. Итак, ни (5) хороший человек, ни хороший государственный муж, ни добрый гражданин не должны обучаться таким работам, которые подобают людям, предназначенным к подчинению, за исключением разве того, когда вследствие нужды приходится исполнять эти работы для самого себя; в таком случае не приходится быть то господином, то рабом. Но существует и такая власть, в силу которой человек властвует над людьми себе подобными и свободными. Эту власть мы называем властью государственной; проявлять ее правитель должен (10) научиться, пройдя сам школу подчинения... И совершенно правильно утверждение, что нельзя хорошо начальствовать, не научившись повиноваться.

10. Добродетель во всем этом различна; но хороший гражданин должен уметь (15) и быть способным и подчиняться, и начальствовать, и добродетель гражданина заключается в умении властвовать над свободными людьми и быть подвластным. Добродетель хорошего человека также имеет в виду и то и другое. Если различны виды воздержности и справедливости у начальника и у подчиненного, но свободного человека, то, очевидно, не одна и добродетель хорошего человека, например, справедливость; но (20) она распадается на несколько видов в соответствии с тем, будет ли человек властвовать или подчиняться...

11. Рассудительность – вот единственная отличительная добродетель правителя; остальные добродетели являются, по-видимому, необходимым общим достоянием и подчиненных, и правителей; от подчиненного нечего требовать рассудительности как добродетели, но нужно требовать лишь правильного суждения; подчиненный – это как бы мастер, делающий (30) флейты, а правитель – это флейтист, играющий на его флейте. Итак, тождественна ли добродетель хорошего человека и дельного гражданина, или она различна, в каком отношении она тождественна и в каком различна, – ясно из предыдущего.

III 1. Остается еще одно затруднение в определении понятия гражданина: является ли гражданином действительно только тот, кому можно принимать участие (35) в управлении, или же гражданами нужно считать также и ремесленников? Если следует считать гражданами также и тех, кто не имеет доступа к должностям, то, выходит, добродетель начальствующего не может быть свойственна всякому гражданину, потому что в указанном случае гражданином оказывается и этот. А если ни один из таковых не является гражданином, то спрашивается, к какому же разряду населения должен быть отнесен каждый. Разу-

меется, он не метек и не иноземец. Или мы должны признать, (1278a) что из создавшегося таким образом положения не вытекает ничего нелепого, так как ведь ни рабы, ни вольноотпущенники ни в каком случае не причисляются к указанным.

2. Совершенно справедливо, что не должно считать гражданами всех тех, без кого не может обойтись государство, потому что и дети – граждане не в том смысле, в каком граждане – взрослые; последние – (5) граждане в полном смысле, первые – условно: они граждане несовершеннолетние. В древние времена у некоторых ремесленниками были рабы или чужестранцы, почему и в настоящее время большинство их именно таково. Но наилучшее государство не даст ремесленнику гражданских прав; если же и он – гражданин, то нужно признать, что та гражданская добродетель, (10) о которой речь была выше, подходит не ко всем, даже не ко всем свободнорожденным, но только к тем, кто избавлен от работ, необходимых для насущного пропитания.

3. Те, кто исполняет подобного рода работы для одного человека, – рабы, на общую пользу – ремесленники и поденщики. Отсюда ясно, как обстоит с ними дело, и уже то, что было ранее сказано, (15) освещает весь вопрос. А именно, поскольку существует несколько видов государственного устройства, должно существовать и несколько разновидностей гражданина, преимущественно подчиненного гражданина, и, таким образом, при одном виде государственного устройства необходимо считать гражданами ремесленников и поденщиков, при другом это невозможно, например при так называемой аристократии, где почетные (20) должности даются только в зависимости от добродетели и по достоинству; ведь невозможно человеку, ведущему жизнь ремесленника или поденщика, упражняться в добродетели.

4. В олигархиях поденщику нельзя быть гражданином (там доступ к должностям обусловлен большим имущественным цензом), а ремесленнику (25) можно, так как многие ремесленники богатеют от своего ремесла...

6. Итак, из сказанного ясно, что существует несколько разновидностей гражданина; ясно также и то, что гражданином по преимуществу является тот, кто обладает совокупностью гражданских прав...

Итак, из сказанного ясно, должно ли считать добродетель, (1278b) отличающую хорошего человека и дельного гражданина, различной или тождественной; в одном государстве понятия хорошего человека и дельного гражданина сливаются, в другом – различаются; да и в первом случае не всякий хоро-

ший человек в то же время является гражданином, но гражданин только тот, кто стоит в известном отношении к государственной жизни, кто имеет или может иметь полномочия в деле попечения о государственных делах или единолично, (5) или вместе с другими.

IV 1. После сделанных разъяснений следует рассмотреть, должно ли допустить существование одного вида государственного устройства или нескольких, и если их имеется несколько, то каковы они, сколько их и в чем их отличия.

Государственное устройство (*politeia*) – это распорядок в области организации государственных должностей (10) вообще, и в первую очередь верховной власти: верховная власть повсюду связана с порядком государственного управления (*politeuma*), а последний и есть государственное устройство. Я имею в виду, например, то, что в демократических государствах верховная власть – в руках народа; в олигархиях, наоборот, в руках немногих; поэтому и государственное устройство в них мы называем различным. С этой точки (15) зрения мы будем судить и об остальном.

2. Следует предпослать вопрос: для какой цели возникло государство и сколько видов имеет власть, управляющая человеком в его общественной жизни? Уже в начале наших рассуждений, при разъяснении вопроса о домохозяйстве и власти господина в семье, было указано, что человек по природе своей есть существо (20) политическое, в силу чего даже те люди, которые нисколько не нуждаются во взаимопомощи, безотчетно стремятся к совместному жительству...

4. Нетрудно различить так называемые разновидности власти...

6. Поэтому и относительно государственных должностей – там, где государство основано на (10) началах равноправия и равенства граждан, – выступает притязание на то, чтобы править по очереди. Это притязание первоначально имело естественные основания; требовалось, чтобы государственные повинности исполнялись поочередно, и каждый желал, чтобы, подобно тому как он сам, находясь ранее у власти, заботился о пользе другого, так и этот другой в свою очередь имел в виду его пользу. В настоящее время из-за выгод, связанных с общественным делом и нахождением (15) у власти, все желают непрерывно обладать ею, как если бы те, кто стоит у власти, пользовались постоянным цветущим здоровьем, невзирая на свою болезненность; потому что тогда также стали бы стремиться к должностям.

7. Итак, ясно, что только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только (20) благо правящих – все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных: они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей.

После того как это установлено, надлежит обратиться к рассмотрению государственных устройств – их числа и свойств, и прежде всего правильных, так как (25) из их определения ясными станут и отклонения от них.

V 1. Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. И когда один ли человек, или немногие, или большинство правят, руководясь общественной пользой, естественно, (30) такие виды государственного устройства являются правильными, а те, при которых имеются в виду выгоды либо одного лица, либо немногих, либо большинства, являются отклонениями. Ведь нужно признать одно из двух: либо люди, участвующие в государственном общении, не граждане, либо они все должны быть причастны к общей пользе.

2. Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу, мы обыкновенно называем (35) царской властью; власть немногих, но более чем одного – аристократией (или потому, что правят лучшие, или потому, что имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит); а когда ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение, общее для всех видов государственного устройства, – полития.

3. И такое разграничение оказывается логически правильным: один (40) человек или немногие могут выделяться своей добродетелью, но преуспеть во всякой добродетели для большинства – (1279b) дело уже трудное, хотя легче всего – в военной доблести, так как последняя встречается именно в народной массе. Вот почему в такой политии верховная власть сосредоточивается в руках воинов, которые вооружаются на собственный счет.

4. Отклонения (5) от указанных устройств следующие: от царской власти – тирания, от аристократии – олигархия, от политии – демократия. Тирания – монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия – выгоды неимущих; общей же пользы ни (10) одна из них в виду не имеет.

Нужно, однако, несколько обстоятельнее сказать о том, что представляет собой каждый из указанных видов государственного устройства в отдельности. Исследование это сопряжено с некоторыми затруднениями: ведь при научном, а не только практически-утилитарном (*pros to prattein*) изложении каждой дисциплины исследователь не должен оставлять что-либо без внимания или что-либо обходить; его задача (15) состоит в том, чтобы в каждом вопросе раскрывать истину.

5. Тирания, как мы сказали, есть деспотическая монархия в области политического общения; олигархия – тот вид, когда верховную власть в государственном управлении имеют владеющие собственностью; наоборот, при демократии эта власть сосредоточена не в руках тех, кто имеет большое состояние, а в руках неимущих. (20) И вот возникает первое затруднение при разграничении их: если бы верховную власть в государстве имело большинство и это были бы состоятельные люди (а ведь демократия бывает именно тогда, когда верховная власть сосредоточена в руках большинства), с другой стороны, точно так же, если бы где-нибудь оказалось, что неимущие, хотя бы они и представляли собой меньшинство в сравнении с состоятельными, все-таки захватили в свои руки верховную власть в управлении (а, по нашему утверждению, олигархия там, где верховная власть сосредоточена в руках небольшого количества людей), то показалось бы, что предложенное разграничение видов государственного устройства сделано неладно.

6. Но допустим, что кто-нибудь, соединив признаки: имущественное благосостояние и меньшинство и, наоборот, недостаток имущества и большинство и, основываясь на таких признаках, стал бы давать наименования видам государственных устройств: олигархия – такой вид государственного устройства, при котором должности занимают люди состоятельные, по количеству своему немногочисленные; (25) демократия – тот вид, при котором должности в руках неимущих, по количеству своему многочисленных. Получается другое затруднение: как мы обозначим только что указанные виды государственного устройства – тот, при котором верховная власть сосредоточена в руках состоятельного большинства, и тот, при котором она находится в руках неимущего меньшинства, если никакого иного государственного устройства, кроме указанных, не существует?

7. Итак, (30) из приведенных соображений, по-видимому, вытекает следующее: тот признак, что верховная власть находится либо в руках меньшин-

ства, либо в руках большинства, есть признак случайный и при определении того, что такое олигархия, и при определении того, что такое демократия, так как повсеместно состоятельных бывает меньшинство, а неимущих большинство; значит, этот признак не может служить основой указанных (40) выше различий. То, чем различаются демократия и олигархия, (1280a) есть бедность и богатство; вот почему там, где власть основана – безразлично, у меньшинства или большинства – на богатстве, мы имеем дело с олигархией, а где правят неимущие, там перед нами демократия. А тот признак, что в первом случае мы имеем дело с меньшинством, а во втором – с большинством, повторяю, есть признак случайный. Состоятельными (5) являются немногие, а свободой пользуются все граждане; на этом же и другие основывают свои притязания на власть в государстве.

8. Прежде всего должно исследовать указываемые обыкновенно отличительные принципы олигархии и демократии, а также и то, что признается справедливостью с олигархической и демократической точек зрения. Ведь все опираются на некую справедливость, но (10) доходят при этом только до некоторой черты, и то, что они называют справедливостью, не есть собственно справедливость во всей ее совокупности. Так, например, справедливость, как кажется, есть равенство, и так оно и есть, но только не для всех, а для равных; и неравенство также представляется справедливостью, и так и есть на самом деле, но опять-таки не для всех, а лишь для неравных. Между тем упускают из виду вопрос “для кого?” и потому судят дурно; причиной (15) этого является то, что судят о самих себе, в суждении же о своих собственных делах едва ли не большинство людей – плохие судьи.

9. Так как справедливость – понятие относительное и различается столько же в зависимости от свойств объекта, сколько и от свойств субъекта..., то относительно равенства, касающегося объектов, соглашаются все, но по поводу равенства, касающегося (20) субъектов, колеблются, и главным образом вследствие только что указанной причины, именно дурного суждения о своих собственных делах; а затем те и другие, считая, что они все-таки согласны в относительном понимании справедливости, укрепляются в той мысли, что они постигают ее в полном смысле. Одни рассуждают так: если они в известном отношении, например, в отношении денег, не равны, то, значит, они и вообще не равны; другие же думают так: если они в каком-либо (25) отношении равны,

хотя бы в отношении свободы, то, следовательно, они и вообще равны. Но самое существенное они тут и упускают из виду.

10. В самом деле, если бы они вступили в общение и объединились исключительно ради приобретения имущества, то могли бы притязать на участие в жизни государства в той мере, в какой это определялось бы их имущественным положением. В таком случае олигархический принцип, казалось бы, должен иметь полную силу: ведь не признают справедливым, например, то положение, когда кто-либо, внося в общую сумму (30) в сто мин всего одну мину, предъявлял бы одинаковые претензии на первичную сумму и на наросшие проценты с тем, кто внес все остальное.

Государство создается не ради того только, чтобы жить, но преимущественно для того, чтобы жить счастливо; в противном случае следовало бы допустить также и государство, состоящее из рабов или из животных, чего в действительности не бывает, так как ни те ни другие не составляют общества, стремящегося к благоденствию всех и строящего жизнь по своему предначертанию. Равным образом государство не возникает (35) ради заключения союза в целях предотвращения возможности обид с чьей-либо стороны, также не ради взаимного торгового обмена и услуг; иначе этруски и карфагеняне и вообще все народы, объединенные заключенными между ними торговыми договорами, должны были бы считаться гражданами одного государства.

11. Правда, у них существуют соглашения касательно ввоза и вывоза товаров, имеются договоры (40) с целью предотвращения взаимных недоразумений и есть письменные постановления касательно военного союза. (1280b) Но для осуществления всего этого у них нет каких-либо общих должностных лиц, наоборот, у тех и других они разные; ни те ни другие не заботятся ни о том, какими должны быть другие, ни о том, чтобы кто-нибудь из состоящих в договоре не был несправедлив, чтобы он не совершил какой-либо низости; они пекутся исключительно о том, чтобы не вредить (5) друг другу. За добродетелью же и пороком в государствах заботливо наблюдают те, кто печется о соблюдении благозакония; в этом и сказывается необходимость заботиться о добродетели граждан тому государству, которое называется государством по истине, а не только на словах. В противном случае государственное общение превратится в простой союз, отличающийся от остальных союзов, заключенных с союзниками, далеко живущими, только в отношении пространства. (10) Да и закон в таком случае оказывается простым договором или, как говорил софист Лико-

фрон, просто гарантией личных прав; сделать же граждан добрыми и справедливыми он не в силах...

Итак, ясно, что государство не есть общность местожительства, оно не создается в целях предотвращения взаимных обид или ради удобств обмена. Конечно, все эти условия должны быть налицо для существования государства, но даже и при наличии их всех, вместе взятых, еще не будет государства; оно появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни (eu dzen), в целях совершенного и самодовлеющего (35) существования.

14. Такого рода общение, однако, может осуществиться лишь в том случае, если люди обитают в одной и той же местности и если они состоят между собой в эпигамии. По этой причине в государствах и возникли родственные союзы и фратрии, и жертвоприношения, и развлечения – ради совместной жизни. Все это основано на взаимной дружбе, потому что именно дружба есть необходимое условие совместной жизни. Таким образом, целью государства является (40) благая жизнь, и все упомянутое создается ради (1281a) этой цели; само же государство представляет собой общение родов и селений ради достижения совершенного самодовлеющего существования, которое, как мы утверждаем, состоит в счастливой и прекрасной жизни. Так что и государственное общение – так нужно думать – существует ради прекрасной деятельности, а не просто ради совместного жительства...

Итак, из сказанного ясно, что все те, кто спорят (10) о государственном устройстве, правы в своих доводах лишь отчасти.

Задания к тексту:

1. Поясните, что такое государство(общество)?
2. Опишите виды государственного устройства и способы их организации.
3. Сделайте сравнительный анализ общественных форм и выберите наилучший.
4. Объясните, комбинация каких социальных элементов образуют наилучшее общественное устройство?
5. Выделите социальные критерии, с помощью которых можно различать государства (общества).

НИКОЛО МАКИАВЕЛЛИ

(1469–1527)

Родился в деревне Сан-Кашано рядом с городом-государством Флоренция, Италия, в 1469 г. Происходил из старинной дворянской семьи. В юности освоил латинский язык и свободно читал древних авторов в оригинале. Макиавелли был независим в своих гражданских симпатиях и политических взглядах, он не был сторонником Медичи, изгнанных из Флоренции в 1494 г., не стал он и приверженцем Савонаролы. Лишь после его падения в 1498 г. Макиавелли начал активную политическую деятельность: был избран секретарем Второй канцелярии, а позже – Совета Десяти, ведавшего дипломатией и военными делами. В течение 14 лет он выполнял множество поручений флорентийского правительства, ездил с посольствами в различные итальянские государства, Францию и Германию, вел переписку, составлял отчеты и доклады по вопросам текущей политики, о положении дел в Италии и Европе. Опыт государственного человека и наблюдения дипломата, а также изучение античных писателей дали Макиавелли богатый материал для разработки его политических и социальных концепций. В 1512 г. Медичи вернулись к власти во Флоренции. Макиавелли как сторонник республики был отстранен от дел и приговорен к годичной высылке из города. В начале 1513 г. он по подозрению в заговоре был арестован и подвергнут пытке. Однако вскоре, в связи со вступлением Джованни Медичи на папский престол, Макиавелли был помилован и отправлен в свое маленькое имение в Сант Андреа. Долгое время попытки Макиавелли вернуться к активной политической деятельности оставались безрезультатными. Только в 1526 г. он был привлечен к организации обороны Флоренции, которой угрожали войска императора Карла V. Однако вновь получить пост канцлера в восстановленной после изгнания Медичи Флорентийской республике Макиавелли не удалось: весной 1527 г. Большой Совет отклонил его кандидатуру. В этом же году Макиавелли умер.

Никколо Макиавелли был одним из первых идеологов эпохи Ренессанса, кто излагал новые воззрения на развитие общества и государства. В своем произведении «Государь» Макиавелли стремился обосновать новый подход к по-

ниманию государства и государственной деятельности с позиций этической природы человека. Прежде всего, он считал, что человеком движет личный интерес, проявления которого чрезвычайно разнообразны, в том числе и стремление сохранить свое имущество, собственность. Он описал принципы, определяющие природу человека, сущность которой состоит в эгоизме. Исходя из этой этической доктрины Макиавелли строит свою концепцию государственной организации, которая, по его замыслу, должна противодействовать человеческому эгоизму, осуществляя государственное насилие. Эти положения нашли свое выражение в так называемой концепции фортуны, под которой он понимал объективную закономерность общественного развития.

ГОСУДАРЬ

Глава VIII

О ТЕХ, КТО ПРИОБРЕТАЕТ ВЛАСТЬ ЗЛОДЕЯНИЯМИ

Но есть еще два способа сделаться государем – не сводимые ни к милости судьбы, ни к доблести; и опускать их, как я полагаю, не стоит, хотя об одном из них уместнее рассуждать там, где речь идет о республиках. Я разумею случаи, когда частный человек достигает верховной власти путем преступлений либо в силу благоволения к нему сограждан...

Отсюда следует, что тот, кто овладевает государством, должен предусмотреть все обиды, чтобы покончить с ними разом, а не возобновлять изо дня в день; тогда люди понемногу успокоятся, и государь сможет, делая им добро, постепенно завоевать их расположение. Кто поступит иначе, из робости или по дурному умыслу, тот никогда уже не вложит меч в ножны и никогда не сможет опереться на своих подданных, не знающих покоя от новых и непрестанных обид. Так что обиды нужно наносить разом: чем меньше их распробуют, тем меньше от них вреда; благодеяния же полезно оказывать мало-помалу, чтобы их распробовали как можно лучше. Самое же главное для государя – вести себя с подданными так, чтобы никакое событие – ни дурное, ни хорошее – не заставляло его изменить своего обращения с ними, так как, случись тяжелое время, зло делать поздно, а добро бесполезно, ибо его сочтут вынужденным и не воздадут за него благодарностью.

Глава IX

О ГРАЖДАНСКОМ ЕДИНОВЛАСТИИ

Перейду теперь к тем случаям, когда человек делается государем своего отечества не путем злодеяний и беззаконий, но в силу благоволения сограждан – для чего требуется не собственно доблесть или удача, но скорее удачливая хитрость. Надобно сказать, что такого рода единовластие – его можно назвать гражданским – учреждается по требованию либо знати, либо народа. Ибо нет города, где не обособились два эти начала: знать желает подчинять и угнетать народ, народ не желает находиться в подчинении и угнетении; столкновение же этих начал разрешается трояко: либо единовластием, либо беззаконием, либо свободой.

Единовластие учреждается либо знатью, либо народом, в зависимости от того, кому первому представится удобный случай. Знать, видя, что она не может противостоять народу, возвышает кого-нибудь из своих и провозглашает его государем, чтобы за его спиной утолить свои вожеления. Так же и народ, видя, что он не может сопротивляться знати, возвышает кого-либо одного, чтобы в его власти обрести для себя защиту. Поэтому тому, кто приходит к власти с помощью знати, труднее удержать власть, чем тому, кого привел к власти народ, так как если государь окружен знатью, которая почитает себя ему равной, он не может ни приказывать, ни иметь независимый образ действий. Тогда как тот, кого привел к власти народ, правит один и вокруг него нет никого или почти никого, кто не желал бы ему повиноваться. Кроме того, нельзя честно, не ущемляя других, удовлетворять притязания знати, но можно – требования народа, так как у народа более честная цель, чем у знати: знать желает угнетать народ, а народ не желает быть угнетенным. Сверх того, с враждебным народом ничего нельзя поделать, ибо он многочислен, а со знатью – можно, ибо она малочисленна. Народ, на худой конец, отвернется от государя, тогда как от враждебной знати можно ждать не только того, что она отвернется от государя, но даже пойдет против него, ибо она дальновидней, хитрее, загодя ищет путей к спасению и заискивает перед тем, кто сильнее. И еще добавлю, что государь не волен выбирать народ, но волен выбирать знать, ибо его право карать и миловать, приближать или подвергать опале...

Так что если государь пришел к власти с помощью народа, он должен стараться удержать его дружбу, что совсем не трудно, ибо народ требует только, чтобы его не угнетали. Но если государя привела к власти знать наперекор народу, то первый его долг – заручиться дружбой народа, что опять-таки не трудно сделать, если взять народ под свою защиту. Люди же таковы, что, видя добро со стороны тех, от кого ждали зла, особенно привязываются к благодетелям, поэтому народ еще больше расположится к государю, чем если бы сам привел его к власти. Заручиться же поддержкой народа можно разными способами, которых я обсуждать не стану, так как они меняются от случая к случаю и не могут быть подведены под какое-либо определенное правило.

Скажу лишь в заключение, что государю надлежит быть в дружбе с народом, иначе в трудное время он будет свергнут...

Глава XV

О ТОМ, ЗА ЧТО ЛЮДЕЙ, В ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРЕЙ, ВОСХВАЛЯЮТ ИЛИ ПОРИЦАЮТ

Теперь остается рассмотреть, как государь должен вести себя по отношению к подданным и союзникам... Государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности.

Если же говорить не о вымышленных, а об истинных свойствах государей, то надо сказать, что во всех людях, а особенно в государях, стоящих выше прочих людей, замечают те или иные качества, заслуживающие похвалы или порицания. А именно: говорят, что один щедр, другой скуп – если взять тосканское слово, ибо жадный на нашем наречии это еще и тот, кто хочет отнять чужое, а скупым мы называем того, кто слишком держится за свое – один расточителен, другой алчен; один жесток, другой сострадателен; один честен, другой вероломен; один изнежен и малодушен, другой тверд духом и смел; этот снисходителен, тот надменен; этот распутен, тот целомудрен; этот лукав, тот прямодушен; этот упрям, тот покладист; этот легкомыслен, тот степенен; этот набожен, тот нечестив и так далее. Что может быть похвальнее для государя, нежели соединять в себе все лучшие из перечисленных качеств? Но раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им

следовать, то благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же – воздерживаться по мере сил, но не более. И даже пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность.

ГЛАВА XVI О ЩЕДРОСТИ И БЕРЕЖЛИВОСТИ

Начну с первого из упомянутых качеств и скажу, что хорошо иметь славу щедрого государя. Тем не менее, тот, кто проявляет щедрость, чтобы слыть щедрым, вредит самому себе. Ибо если проявлять ее разумно и должным образом, о ней не узнают, а тебя все равно обвинят в скупости, поэтому, чтобы распространить среди людей славу о своей щедрости, ты должен будешь изощряться в великолепных затеях, но, поступая таким образом, ты истощишь казну, после чего, не желая расставаться со славой щедрого правителя, вынужден будешь сверх меры обременить народ податями и прибегнуть к неблагоприятным способам изыскания денег. Всем этим ты постепенно возбудишь ненависть подданных, а со временем, когда обеднеешь, – то и презрение. И после того как многих разоришь своей щедростью и немногих облагодетельствуешь, первое же затруднение обернется для тебя бедствием, первая же опасность – крушением. Но если ты вовремя одумаешься и захочешь поправить дело, тебя тотчас же обвинят в скупости.

Итак, раз государь не может без ущерба для себя проявлять щедрость так, чтобы ее признали, то не будет ли для него благоразумнее примириться со славой скупого правителя? Ибо со временем, когда люди увидят, что благодаря бережливости он удовлетворяется своими доходами и ведет военные кампании, не обременяя народ дополнительными налогами, за ним утвердится слава щедрого правителя. И он действительно окажется щедрым по отношению ко всем тем, кого мог бы обогатить, а таких единицы...

Итак, ради того, чтобы не обирать подданных, иметь средства для обороны, не обеднеть, не вызвать презрения и не стать по неволе алчным, государь

должен пренебречь славой скупого правителя, ибо скупость – это один из тех пороков, которые позволяют ему править... многие уже были государями и совершали во главе войска великие дела, однако же слыли щедрейшими, я отвечу, что тратить можно либо свое, либо чужое. В первом случае полезна бережливость, во втором – как можно большая щедрость.

Если ты ведешь войско, которое кормится добычей, грабежом, поборами и чужим добром, тебе необходимо быть щедрым, иначе за тобой не пойдут солдаты. И всегда имущество, которое не принадлежит тебе или твоим подданным, можешь раздаривать щедрой рукой, ... ибо, расточая чужое, ты прибавляешь себе славы, тогда как расточая свое – ты только себе вредишь. Ничто другое не истощает себя так, как щедрость: выказывая ее, одновременно теряешь самую возможность ее выказывать и либо впадаешь в бедность, возбуждающую презрение, либо, желая избежать бедности, разоряешь других, чем навлекаешь на себя ненависть. Между тем презрение и ненависть подданных – это то самое, чего государь должен более всего опасаться, щедрость же ведет к тому и другому. Поэтому больше мудрости в том, чтобы, слывя скупым, стяжать худую славу без ненависти, чем в том, чтобы, желая прослыть щедрым и оттого, поневоле разоряя других, стяжать худую славу и ненависть разом.

Глава XVII

О ЖЕСТОКОСТИ И МИЛОСЕРДИИ И О ТОМ, ЧТО ЛУЧШЕ: ВНУШАТЬ ЛЮБОВЬ ИЛИ СТРАХ

Переходя к другим из упомянутых выше свойств, скажу, что каждый государь желал бы прослыть милосердным, а не жестоким, однако следует остерегаться злоупотребить милосердием... государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствует беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица.

По этому поводу может возникнуть спор, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят, что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж

приходится выбирать, то надежнее выбрать страх. Ибо о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернутся. И худо придется тому государю, который, доверясь их посулам, не примет никаких мер на случай опасности. Ибо дружбу, которая дается за деньги, а не приобретается величием и благородством души, можно купить, но нельзя удержать, чтобы воспользоваться ею в трудное время. Кроме того, люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно.

Однако государь должен внушать страх таким образом, чтобы, если не приобрести любви, то хотя бы избежать ненависти, ибо вполне возможно внушить страх без ненависти. Чтобы избежать ненависти, государю необходимо воздерживаться от посягательств на имущество граждан и подданных и на их женщин. Даже когда государь считает нужным лишить кого-либо жизни, он может сделать это, если налицо подходящее обоснование и очевидная причина, но он должен остерегаться посягать на чужое добро, ибо люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества. Тем более что причин для изъятия имущества всегда достаточно и если начать жить хищничеством, то всегда найдется повод присвоить чужое, тогда как оснований для лишения кого-либо жизни гораздо меньше и повод для этого приискать труднее...

Итак, возвращаясь к спору о том, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись, скажу, что любят государей по собственному усмотрению, а боятся – по усмотрению государей, поэтому мудрому правителю лучше рассчитывать на то, что зависит от него, а не от кого-то другого; важно лишь ни в каком случае не навлекать на себя ненависти подданных, как о том сказано выше.

Глава XVIII

О ТОМ, КАК ГОСУДАРИ ДОЛЖНЫ ДЕРЖАТЬ СЛОВО

Излишне говорить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямодушие и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи, в конечном счете, преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность.

Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй – зверю; но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя...

Итак, из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана. Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру. Однако натуру эту надо еще уметь прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить....

Итак, государь должен бдительно следить за тем, чтобы с языка его не сорвалось слова, не исполненного ... добродетелей. Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстает как само милосердие, верность, прямодушие, человечность и благочестие, особенно благочестие. Ибо люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками – немногим. Каждый знает, каков ты с виду, немногим известно, каков ты на самом деле, и эти последние

не посмеют оспорить мнение большинства, за спиной которого стоит государство. О действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобряют, ибо чернь прельщается видимостью и успехом, в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места, когда за большинством стоит государство...

Глава XIX

О ТОМ, КАКИМ ОБРАЗОМ ИЗБЕГАТЬ НЕНАВИСТИ И ПРЕЗРЕНИЯ

Наиважнейшее из упомянутых качеств мы рассмотрели; что же касается прочих, то о них я скажу кратко, предварив рассуждение одним общим правилом. Государь, как отчасти сказано выше, должен следить за тем, чтобы не совершилось ничего, что могло бы вызвать ненависть или презрение подданных. Если в этом он преуспеет, то свое дело он сделал, и прочие его пороки не представят для него никакой опасности. Ненависть государи возбуждают хищничеством и посягательством на добро и женщин своих подданных. Ибо большая часть людей довольна жизнью, пока не задеты их честь или имущество; так что недовольным может оказаться лишь небольшое число честолубцев, на которых нетрудно найти управу. Презрение государи возбуждают непостоянством, легкомыслием, изнеженностью, малодушием и нерешительностью. Этих качеств надо остерегаться как огня, стараясь, напротив, в каждом действии являть великодушие, бесстрашие, основательность и твердость.

Решения государя касательно частных дел подданных должны быть бесповоротными, и мнение о нем должно быть таково, чтобы никому не могло прийти в голову, что можно обмануть или перехитрить государя. К правителю, внушившему о себе такое понятие, будут относиться с почтением; а если известно, что государь имеет выдающиеся достоинства и почитаем своими подданными, врагам труднее будет напасть на него или составить против него заговор. Ибо государя подстерегают две опасности — одна изнутри, со стороны подданных, другая извне — со стороны сильных соседей. С внешней опасностью можно справиться при помощи хорошего войска и хороших союзников; причем тот, кто имеет хорошее войско, найдет и хороших союзников. А если опасность

извне будет устранена, то и внутри сохранится мир, при условии, что его не нарушат тайные заговоры. Но и в случае нападения извне государь не должен терять присутствие духа, ибо, если образ его действий был таков, как я говорю, он устоит перед любым неприятелем...

В заключение повторю, что государь может не опасаться заговоров, если пользуется благоволением народа, и наоборот, должен бояться всех и каждого, если народ питает к нему вражду и ненависть. Благоустроенные государства и мудрые государи принимали все меры к тому, чтобы не ожесточать знать и быть угодными народу, ибо это принадлежит к числу важнейших забот тех, кто правит...

Здесь уместно заметить, что добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными, поэтому государь, как я уже говорил, нередко вынужден отступать от добра ради того, чтобы сохранить государство, ибо та часть подданных, чьего расположения ищет государь, – будь то народ, знать или войско, – развращена, то и государю, чтобы ей угодить, приходится действовать соответственно, и в этом случае добрые дела могут ему повредить...

Задания к тексту:

1. Объясните, на чем основывается совершенное общество?
2. Определите, какие качества государя обеспечивают социальную стабильность?
3. Выделите типы лидеров, в чем специфика каждого из них?
4. Проанализируйте советы, данные Макиавелли государю, насколько они применимы в современной жизни?

ТОМАС МОР

(1478–1535)

Родился в семье лондонского судьи. Начальное образование получил в школе Св. Антония. В 13 лет он попал к архиепископу Кентербери и некоторое время служил у него пажом. Мор продолжил своё образование в Оксфорде, где учился у знаменитых юристов того времени. В 1494 г. вернулся в Лондон и в 1501 г. стал юристом. Мор не собирался посвятить жизнь карьере юриста, он долго колебался между гражданской и церковной службой во время своего обучения в юридических корпорациях, готовящих юристов. Мор решил стать монахом и жить вблизи монастыря. До самой смерти он придерживался монашеского образа жизни с постоянными молитвами и постами. Тем не менее, желание Мора служить своей стране положило конец его монастырским устремлениям. В 1504 г. Мор был избран в Парламент.

Первым деянием Мора в Парламенте стало выступление за уменьшение сборов в пользу короля Генриха VII. В отместку за это Генрих заключил в тюрьму отца Мора, который был выпущен на свободу только после уплаты значительного выкупа и самоустранения Томаса Мора от общественной жизни. После смерти Генриха VII в 1509 г. Мор возвратился к карьере политика. В 1510 году он стал одним из двух младших шерифов Лондона. В 1515 г. он был в составе посольства во Фландрию, которое вело переговоры касательно торговли английской шерстью. В 1518 г. Мор стал членом Тайного Совета. В 1521 году был посвящён в рыцари за «заслуги перед королём и Англией» и к его имени добавили приставку «сэр».

Особого внимания заслуживает ситуация с королем Генрихом VIII, которая привела Мора к возвышению, затем – к падению и в конечном итоге – к смерти. Король провозгласил себя главой Англиканской Церкви и народ в целом принял это. Мор незамедлительно подал в отставку с поста канцлера. В 1534 г. был принят закон, обязывающий всех англичан принести клятву верности королю как единственному владыке (подразумевалось, что верность Папе есть государственная измена). Мор отказался одобрить этот закон и был арестован. 15 месяцев его держали в тюрьме, доведя до страшного измождения, пока не приговорили к смерти. На земле последними словами Мора была шут-

ка, запомнившаяся всем: он положил голову на плаху и аккуратно уложил отросшую в тюрьме бороду так, чтобы топор её не повредил, добавив: «Борода-то не совершила государственной измены». Его голова была выставлена на лондонском мосту в течение месяца, пока дочери не разрешили её забрать; ныне она покоится, замурованная, в нише англиканской церкви св. Дунстана в Кентербери (графство Кент). За верность католицизму Мор был канонизирован Римско-католической церковью и причислен к лику святых Папой Пием XI в 1935 г.

Из всех социально-политических произведений Мора наибольшее значение имеет «Утопия» (опубликована в 1516 г.), причем эта книга сохранила своё значение для нашего времени – не только как талантливый роман, но и как гениальное по своему замыслу произведение социальной мысли. Мор создал первую стройную социальную систему, хотя и разработанную в духе утопического социализма.

УТОПИЯ

Вторая книга

Остров утопийцев в средней своей части, где он всего шире, простирается на двести миль, затем на значительном протяжении эта ширина немного уменьшается, а в направлении к концам остров с обеих сторон мало-помалу суживается. Если бы эти концы можно было обвести циркулем, то получилась бы окружность в пятьсот миль. Они придают острову вид нарождающегося месяца. Рога его разделены заливом, имеющим протяжение приблизительно в одиннадцать миль. На всем этом огромном расстоянии вода, окруженная со всех сторон землей, защищена от ветров наподобие большого озера, скорее стоячего, чем бурного; а почти вся внутренняя часть этой страны служит гаванью, рассылающей, к большой выгоде людей, по всем направлениям корабли. Вход в залив очень опасен из-за мелей с одной стороны и утесов – с другой... В заключение повторю, что государь может не опасаться заговоров, если пользуется благоволением народа, и наоборот, должен бояться всех и каждого, если народ питает к нему вражду и ненависть. Благоустроенные государства и мудрые государи принимали все меры к тому, чтобы не ожесточать знать и быть

угодными народу, ибо это принадлежит к числу важнейших забот тех, кто правит....

Здесь уместно заметить, что добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно также, как и дурными, поэтому государь, как я уже говорил, нередко вынужден отступать от добра ради того, чтобы сохранить государство, ибо та часть подданных, чьего расположения ищет государь, – будь то народ, знать или войско, – развращена, то и государю, чтобы ей угодить, приходится действовать соответственно, и в этом случае добрые дела могут ему повредить....

Впрочем, как говорят предания и как показывает самый облик земли, эта страна когда-то не была окружена морем. Но Утоп, чье победоносное имя носит остров, ... сразу же при первом прибытии после победы распорядился прорыть пятнадцать миль, на протяжении которых страна прилегала к материку, и провел море вокруг земли; этот же Утоп довел грубый и дикий народ до такой степени культуры и образованности, что теперь они почти превосходят в этом отношении прочих смертных. Не желая, чтобы упомянутая работа считалась позорной, Утоп привлек к ней не только жителей, но, кроме того, и своих солдат. При распределении труда между таким множеством людей он был закончен с невероятной быстротой. Этот успех изумил и поразил ужасом соседей, которые вначале смеялись над бесполезностью предприятия.

На острове пятьдесят четыре города, все обширные и великолепные; язык, нравы, учреждения и законы у них совершенно одинаковые. Расположение их всех также одинаково; одинакова повсюду и внешность, насколько это допускает местность...

Из каждого города три старых и опытных гражданина ежегодно собираются в Амауроте для обсуждения общих дел острова. Город Амаурот считается первым и главенствующим, так как, находясь в центре страны, он по своему расположению удобен для представителей всех областей. Поля распределены между городами так удачно, что каждый в отдельности не имеет ни с какой стороны менее двадцати миль земли, а с одной стороны даже и значительно больше, именно с той, где города дальше всего разъединены друг с другом. Ни у одного города нет желания раздвинуть свои пределы, так как жители его считают себя скорее земледельцами, чем господами этих владений.

В деревне на всех полях имеются удобно расположенные дома, снабженные земледельческими орудиями.

В домах этих живут граждане, переселяющиеся туда по очереди. Ни одна деревенская семья не имеет в своем составе менее сорока человек – мужчин и женщин, кроме двух приписных рабов. Во главе всех стоят отец и мать семейства, люди уважаемые и пожилые, а во главе каждой тридцати семейств – один филарх. Из каждого семейства двадцать человек ежегодно переселяются обратно в город; это те, что пробыли в деревне два года. Их место занимают столько же новых из города, чтобы их обучали пробывшие в деревне год и потому более опытные в сельском хозяйстве; эти приезжие на следующий год должны учить других, чтобы в снабжении хлебом не произошло какой-либо заминки, если все одинаково будут новичками и несведущими в земледелии. Хотя этот способ обновления земледельцев является общепринятым, чтобы никому не приходилось против воли слишком долго подряд вести суровую жизнь...

О занятии ремеслами

У всех мужчин и женщин есть одно общее занятие – земледелие, от которого никто не избавлен. Ему учатся все с детства, отчасти в школе путем усвоения теории, отчасти же на ближайших к городу полях, куда детей выводят как бы для игры, между тем как там они не только смотрят, но под предлогом физического упражнения также и работают.

Кроме земледелия (которым, как я сказал, занимаются все), каждый изучает какое-либо одно ремесло как специальное. Это обыкновенно или пряжа шерсти, или выделка льна, или ремесло каменщиков, или рабочих по металлу и по дереву. Можно сказать, что, кроме перечисленных, нет никакого иного занятия, которое имело бы у них значение, достойное упоминания. Что же касается одежды, то, за исключением того, что внешность ее различается у лиц того или другого пола, равно как у одиноких и состоящих в супружестве, покрой ее остается одинаковым, неизменным и постоянным на все время, будучи вполне пристойным для взора, удобным для телодвижений и приспособленным к холоду и жаре. И вот эту одежду каждая семья prepares себе сама. Но из других ремесел всякий изучает какое-либо, и притом не только мужчины, но также и женщины. Впрочем, эти последние, как более слабые имеют более легкие заня-

тия: они обычно обрабатывают шерсть и лен. Мужчинам поручаются остальные ремесла, более трудные. По большей части каждый вырастает, учась отцовскому ремеслу: к нему большинство питает склонность от природы. Но если кто имеет влечение к другому занятию, то такого человека путем усыновления переводят в какое-либо семейство, к ремеслу которого он питает любовь; при этом не только отец этого лица, но и власти заботятся о том, чтобы передать его солидному и благородному отцу семейства. Кроме того, если кто, изучив одно ремесло, пожелает еще и другого, то получает на это позволение тем же самым способом. Овладев обоими, он занимается которым хочет, если государство не нуждается скорее в каком-либо одном.

Главное и почти исключительное занятие сифогрантов состоит в заботе и наблюдении, чтобы никто не сидел праздно, а чтобы каждый усердно занимался своим ремеслом, но не с раннего утра и до поздней ночи и не утомлялся подобно скоту. Такой тяжелый труд превосходит даже долю рабов, но подобную жизнь и ведут рабочие почти повсюду, кроме утопийцев. А они делят день на двадцать четыре равных часа, причисляя сюда и ночь, и отводят для работы только шесть: три до полудня, после чего идут обедать; затем, отдохнув после обеда в течение двух послеполуденных часов, они опять продолжают работу в течение трех часов и заканчивают ее ужином. Так как они считают первый час, начиная с полудня, то около восьми идут спать; сон требует восемь часов. Все время, остающееся между часами работы, сна и принятия пищи, предоставляется личному усмотрению каждого, но не для того, чтобы злоупотреблять им в излишествах или лени, а чтобы на свободе от своего ремесла, по лучшему уразумению, удачно применить эти часы на какое-либо другое занятие. Эти промежутки большинство уделяет наукам...

После ужина они проводят один час в забавах: летом – в садах, а зимой – в тех общих залах, где совместно кушают. Там они или занимаются музыкой, или отдыхают за разговорами. Что касается игры в кости и других нелепых и гибельных забав подобного рода, то они даже не известны утопийцам.

Но тут, во избежание дальнейших недоразумений, необходимо более пристально рассмотреть один вопрос. Именно, если только шесть часов уходит на работу, то отсюда можно, пожалуй, вывести предположение, что следствием этого является известный недостаток в предметах первой необходимости. Но в действительности этого отнюдь нет; мало того, такое количество времени не

только вполне достаточно для запаса всем необходимым для жизни и ее удобств, но дает даже известный остаток. Это будет понятно и вам, если только вы поглубже вдумаетесь, какая огромная часть населения у других народов живет без дела: во-первых, почти все женщины – половина общей массы, а если где женщины заняты работой, то там обычно взамен них храпят мужчины. Вдобавок к этому, какую огромную и какую праздную толпу представляют священники и так называемые чернецы! Прикинь сюда всех богачей, особенно владельцев поместий, которых обычно именуют благородными и знатью; причисли к ним челядь, именно – весь этот сброд ливрейных бездельников; присоедини, наконец, крепких и сильных нищих, предающихся праздности под предлогом какой-либо болезни, и в результате тебе придется признать, что число тех, чьим трудом создается все то, чем пользуются смертные, гораздо меньше, чем ты думал. Поразмысли теперь, сколь немногие из этих лиц заняты необходимыми ремеслами; именно, раз мы все меряем на деньги, то неизбежно должны находить себе применение многие занятия, совершенно пустые и излишние, служащие только роскоши и похоти. Действительно, если бы эту самую толпу, которая теперь занята работой, распределить по тем столь немногим ремеслам, сколь немного требуется их для надлежащего удовлетворения потребностей природы, то при таком обильном производстве, которое неизбежно должно отсюда возникнуть, цены на труд, понятно, стали бы гораздо ниже того, что нужно рабочим для поддержки своего существования. Но возьмем всех тех лиц, которые заняты теперь бесполезными ремеслами, и вдобавок всю эту изнывающую от безделья и праздности массу людей, каждый из которых потребляет столько продуктов, производимых трудами других, сколько нужно их для двух изготовителей этих продуктов; так вот, повторяю, если всю совокупность этих лиц поставить на работу, и притом полезную, то можно легко заметить, как немного времени нужно было бы для приготовления в достаточном количестве и даже с избытком всего того, что требуют принципы пользы или удобства (прибавь также – и удовольствия, но только настоящего и естественного).

Очевидность этого подтверждается в Утопии самой действительностью. Именно там в целом городе с прилегающим к нему округом из всех мужчин и женщин, годных для работы по своему возрасту и силам, освобождение от нее дается едва пятистам лицам. В числе их сифогранты, которые хотя имеют по закону право не работать, однако не избавляют себя от труда, желая своим

примером побудить остальных охотнее браться за труд. Той же льготой наслаждаются те, кому народ под влиянием рекомендации духовенства и по тайному голосованию сифогрантов дарует навсегда это освобождение для основательного прохождения наук. Если кто из этих лиц обманет возложенную на него надежду, то его удаляют обратно к ремесленникам. И, наоборот, нередко бывает, что какой-нибудь рабочий так усердно занимается науками в упомянутые выше свободные часы и отличается таким большим прилежанием, что освобождается от своего ремесла и продвигается в разряд ученых.

Из этого сословия ученых выбирают послов, духовенство, траниборов и, наконец, самого главу государства... Так как почти вся прочая масса не пребывает в праздности и занята бесполезными ремеслами, то легко можно рассчитать, сколько хороших предметов создают они и в какое небольшое количество часов.

Отсюда, так как все они заняты полезным делом и для выполнения его им достаточно лишь небольшого количества труда, то в итоге у них получается изобилие во всем. Вследствие этого огромной массе населения приходится иногда отправляться за город для починки дорог, если они избиты. Очень часто также, когда не встречается надобности ни в какой подобной работе, государство объявляет меньшее количество рабочих часов. Власти отнюдь не хотят принуждать граждан к излишним трудам. Учреждение этой повинности имеет прежде всего только ту цель, чтобы обеспечить, насколько это возможно с точки зрения общественных нужд, всем гражданам наибольшее количество времени после телесного рабства для духовной свободы и образования. В этом, по их мнению, заключается счастье жизни.

О путешествиях утопийцев

Если у кого появится желание повидаться с друзьями, живущими в другом городе, или просто посмотреть на самую местность, то такие лица легко получают на это дозволение... На весь свой путь они ничего с собой не берут, у них все же ни в чем нет недостатка: они везде дома. Если они останавливаются в каком-либо месте более одного дня, то каждый занимается там своим ремеслом и встречает самое радушное отношение со стороны работающих по тому же ремеслу. Если кто преступит свои пределы по собственному почину, то,

пойманный без грамоты князя, он подвергается позорному обхождению: его возвращают как беглого и жестоко наказывают. Дерзнувший на то же вторично – обращается в рабство.

А если у кого появится охота побродить по окрестностям своего города, то он не встречает на то запрета, раз у него есть позволение отца и разрешение его супружеской половины. Но в какую бы деревню он ни пришел, он не получает никакой пищи, раньше чем не закончит предварительно полуденного рабочего задания (или вообще сколько там обычно делают до ужина). Под этим условием можно отправляться куда угодно в пределах владений своего города. Таким образом, он будет не менее полезен городу, чем если бы был в городе.

Вы видите теперь, до какой степени чужды им всякая возможность бездельничать, всякий предлог для лени. У них нет ни одной винной лавки, ни одной пивной; нет нигде публичного дома, никакого случая для разврата, ни одного притона, ни одного противозаконного собрания; но присутствие на глазах у всех создает необходимость проводить все время или в привычной работе, или в благопристойном отдыхе.

Неизбежным следствием таких порядков у этого народа является изобилие во всем, а так как оно равномерно простирается на всех, то в итоге никто не может быть нуждающимся или нищим. Как только в амауротском сенате, который, как я сказал, ежегодно составляется из трех лиц от каждого города, станет известным, где и каких продуктов особенно много и, наоборот, что и где уродилось особенно скудно, то недостаток в одном месте немедленно восполняют обилием в другом. И утопийцы устраивают это бесплатно, не получая, в свою очередь, ничего от тех, кому дарят. Но то, что они дают из своих достатков какому-либо городу, не требуя от него ничего обратно, они получают в случае нужды от другого города без всякого вознаграждения. Таким образом, весь остров составляет как бы одно семейство.

Но когда они достаточно позаботятся о себе, – а это они признают выполненным не раньше, чем будет сделан запас на два года, ввиду неизвестности урожая следующего года, – из остающегося они вывозят в другие страны большое количество зерна, меда, шерсти, льна, леса, червеца и пурпура, руна, воска, сала, кож и вдобавок еще животных. Седьмую часть всего этого они дарят неимущим жителям тех стран, а остальное продают за умеренную цену. В итоге этой торговли они увозят на родину не только те товары, в которых нуждаются

дома (а таковых почти нет, кроме железа), но, кроме того, и большое количество золота и серебра. В силу продолжительности такого обычая утопийцы имеют повсюду эти драгоценности в превышающем вероятие количестве... Утопийцы знают, что за большие деньги можно обычно купить самих врагов, которые готовы на измену и даже на то, чтобы вступить в открытый бой друг с другом. В силу этого они хранят неоцененное сокровище, но, впрочем, не как таковое, а обходятся с ним так, что мне стыдно и рассказывать; к тому же я боюсь, что словам моим не поверят...

Между тем с золотом и серебром, из которых делаются деньги, они обходятся так, что никто не ценит их дороже, чем того заслуживает природа этих металлов. Кто не видит, насколько они ниже железа? Без него действительно люди не могут жить, так же как без огня и воды; между тем золоту и серебру природа не дала никакого применения, без которого нам трудно было бы обойтись, но людская глупость наделила их ценностью из-за редкости. Мало того, природа, как самая нежная мать все наилучшее, например, воздух, воду и самую землю, поместила открыто, а суетное и не приносящее никакой пользы убрала очень далеко.

Утопийцы едят и пьют в скудельных сосудах из глины и стекла, правда, всегда изящных, но все же дешевых, а из золота и серебра повсюду, не только в общественных дворцах, но и в частных жилищах, они делают ночные горшки и всю подобную посуду для самых грязных надобностей. Сверх того, из тех же металлов они вырабатывают цепи и массивные кандалы, которыми сковывают рабов. Наконец, у всех опозоривших себя каким-либо преступлением в ушах висят золотые кольца, золото обвивает пальцы, шею опоясывает золотая цепь, и, наконец, голова окружена золотым обручем. Таким образом, утопийцы всячески стараются о том, чтобы золото и серебро были у них в позоре...

О рабах

Утопийцы не считают рабами ни военнопленных, кроме тех, кого они взяли сами в бою с ними, ни детей рабов, ни, наконец, находящихся в рабстве у других народов, кого можно было бы купить. Но они обращают в рабство своего гражданина за позорное деяние или тех, кто у чужих народов был обречен на казнь за совершенное им преступление. Людей этого второго рода гораздо больше, так как многих из них утопийцы добывают иногда по дешевой цене, а

чаще получают их даром. Рабы того и другого рода не только постоянно заняты работой, но и закованы в цепи; обхождение с рабами, происходящими из среды самих утопийцев, более сурово на том основании, что они усугубили свою вину и заслужили худшее наказание, так как прекрасное воспитание отлично подготовило их к добродетели, а они все же не могли удержаться от злодеяния.

Иной род рабов получается тогда, когда какой-либо трудолюбивый и бедный батрак из другого народа предпочитает пойти в рабство к утопийцам добровольно. К таким людям они относятся с уважением и обходятся с ними с не меньшей мягкостью, чем с гражданами, за исключением того, что налагают несколько больше работы, так как те к ней привыкли. Если подобное лицо пожелает уехать, что бывает не часто, то утопийцы не удерживают его против воли и не отпускают с пустыми руками.

Задания к тексту:

1. Опишите утопийское общество, его цель, черты и функции.
2. Определите роль разделения труда в Утопии.
3. Проанализируйте социальную структуру утопийского общества.
4. Возможна ли реализация социального проекта, предложенного Т. Мором в реальной жизни?
5. Объясните значение утопии, как социального учения, в жизни общества.

ДЖОН ЛОКК

(1632–1704)

Родился 29 августа 1632 г. в небольшом городке Рингтон на западе Англии, близ Бристоля, в семье провинциального адвоката. В 1646 г. – по рекомендации командира его отца (который во время гражданской войны был капитаном в парламентской армии Кромвеля) был зачислен в Вестминстерскую школу. В 1652 г. поступил в Оксфордский университет и через три года получил степень бакалавра, а в 1658 г. – магистра этого университета. В 1667 г. Локк принял предложение занять место домашнего врача и воспитателя ребенка в семье известного английского графа. В 1668 г. Локк был избран членом Королевского общества. Главными областями интересов Локка были естествознание, медицина, политика, экономика, педагогика, отношение государства к церкви, проблема веротерпимости и свобода совести. С 1672 и 1679 гг. Локк занимал различные видные должности в высших правительственных учреждениях Англии. В 1683 г. Локк эмигрировал в Голландию, а 1688–1689 гг. – наступила развязка, положившая конец скитаниям Локка. Совершилась Славная революция, Вильгельм III Оранский был провозглашен королем Англии. Локк участвовал в подготовке переворота 1688 г., находился в тесном контакте с Вильгельмом Оранским и оказывал на него большое идейное влияние; в начале 1689 г. он вернулся на родину. В 1690-е годы вновь наряду с правительственной службой он вел широкую научную и литературную деятельность. В 1704 г. в загородном доме своего друга Локк, силы которого были подточены астмой, умер.

Основное «социологическое» сочинение – «Два трактата о государственном правлении», в котором Локк рассматривал причины, по которым люди образуют общество.

ДВА ТРАКТАТА О ГОСУДАРСТВЕННОМ ПРАВЛЕНИИ

КНИГА ВТОРАЯ

Глава XI

ОБ ОБЪЕМЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

134. Основной целью вступления людей в общество является стремление мирно и безопасно пользоваться своей собственностью, а основным орудием и средством для этого служат законы, установленные в этом обществе; первым и основным положительным законом всех государств является установление законодательной власти; точно так же первым и основным естественным законом, которому должна подчиняться сама законодательная власть, является сохранение общества и (в той мере, в какой это будет совпадать с общественным благом) каждого члена общества. Эта законодательная власть является не только верховной властью в государстве, но и священной и неизменной в руках тех, кому сообщество однажды ее доверило. И ни один указ кого бы то ни было, в какой бы форме он ни был задуман и какая бы власть его ни поддерживала, не обладает силой и обязательностью закона, если он не получил санкции законодательного органа, который избран и назначен народом. Ибо без этого данный закон не будет обладать тем, что совершенно необходимо для того, чтобы он стал действительно законом,— согласием общества, выше которого нет ничего, и издавать законы не может иметь права никто, кроме как с согласия этого общества и на основании власти, полученной от его членов.

135. Хотя законодательная власть, независимо от того, сосредоточена ли она в руках одного человека или нескольких, осуществляется ли она непрерывно или только через определенные промежутки, хотя она и является верховной властью в каждом государстве, но все же. Во-первых, она не является и, вероятно, не может являться абсолютно деспотической в отношении жизни и достоинства народа. Ведь она представляет собой лишь соединенную власть всех членов общества, переданную тому лицу или собранию, которые являются законодателями; она не может быть больше той власти, которой обладали эти лица, когда они находились в естественном состоянии, до того, как они вступили в общество и передали эту власть сообществу. Ибо никто не может передать другому большую власть, нежели та, которую он сам имеет, и никто не обладает

абсолютной деспотической властью над собой или над кем-либо другим, правом лишить себя жизни или лишить жизни или имущества другого. Человек, как было доказано, не может подчинять себя деспотической власти другого; и так как в естественном состоянии он не обладал деспотической властью над жизнью, свободой или собственностью другого, но имел лишь такую власть, как закон природы давал ему для сохранения себя и остальной части человечества, то это, следовательно, все, что он дает или может передать государству, а тем самым законодательной власти, так что законодательная власть не может иметь больше этого. Эта власть в своих самых крайних пределах ограничена общественным благом. Она не имеет иной цели, кроме сохранения [общества], и, следовательно, никогда не может иметь права уничтожать, порабощать или умышленно разорять подданных.

136. ...Для того чтобы избежать ... неудобств, которые приводят в расстройство человеческую собственность в естественном состоянии, люди объединяются в общество, дабы иметь объединенную силу всего общества для сохранения и защиты своей собственности и иметь постоянные законы, определяющие ее, благодаря которым каждый может знать, что ему принадлежит. Для этого люди передают всю свою природную власть обществу, в которое они вступают, а общество вкладывает законодательную власть в руки тех, кого оно считает для этого подходящими; при этом люди надеются, что ими будут управлять посредством провозглашенных законов, в противном же случае их мир, покой и собственность будут по-прежнему в таком же неопределенном положении, как и в естественном состоянии.

137. Абсолютная деспотическая власть, или управление без установленных постоянных законов, не может ни в какой мере соответствовать целям общества и правительства, для которых люди отказались от свободы естественного состояния и связали себя соответствующими узами, только чтобы сохранить свою жизнь, свободу и имущество, и чтобы с помощью установленных законоположений о праве и собственности обеспечить свой мир и покой. Нельзя предположить, чтобы они намеревались, даже если бы они и были в состоянии поступить так, передать какому-либо лицу или нескольким лицам абсолютную деспотическую власть над своими личностями и достоянием и вложить власть в руки должностного лица для того, чтобы тот неограниченно творил произвол в отношении их. Ведь это значило бы поставить себя в еще более худшее поло-

жение, чем естественное состояние, когда они обладали свободой защищать свои права от посягательств других и в равной мере имели силу, чтобы отстоять их, подвергшись нападению одного человека или сразу многих...

138. ...верховная власть не может лишить какого-либо человека какой-либо части его собственности без его согласия. Ибо сохранение собственности является целью правительства, и именно ради этого люди вступают в общество; и, таким образом, отсюда по необходимости предполагается и требуется, чтобы люди обладали собственностью, так как без этого следует предположить, что они, вступая в общество, теряют то, что являлось целью, ради которой они вступили в него; это слишком большая нелепость, вряд ли кто-либо с ней согласится. Следовательно, люди, находясь в обществе, обладают собственностью; они имеют такое право на имущество, которое по закону сообщества является их собственностью, что никто не имеет права отнять у них их добро или какую-либо его часть без их собственного согласия; без этого они не имеют вообще никакой собственности...

141. ...законодательный орган не может передать право издавать законы в чьи-либо другие руки. Ведь это право, доверенное народом, и те, кто им обладает, не могут передавать его другим. Только народ может устанавливать форму государства, делая это посредством создания законодательной власти и назначения тех, в чьих руках она будет находиться. И когда народ заявил: мы будем подчиняться предписаниям и управляться законами, созданными для нас такими-то людьми и в такой-то форме,— никто больше не может сказать, что другие люди будут создавать законы для народа; точно так же и народ не может быть связан какими-либо иными законами, кроме тех, которые изданы теми, кто был избран народом и уполномочен создавать для него законы. Законодательная власть, поскольку она исходит от народа через средство положительного добровольного дара и учреждения, не может быть ничем иным, кроме как тем, что передано этим положительным даром, а он был сделан только для создания законов, а не для создания законодателей, и законодательный орган не имеет права передоверять свою законодательную власть и передавать ее в другие руки.

142. Вот те пределы, которые полномочия, данные обществом, и закон бога и природы установили для законодательной власти всякого государства, во всех формах правления.

Во-первых, они должны управлять посредством опубликованных установленных законов, которые не должны меняться в каждом отдельном случае, напротив, должен существовать один закон для богатого и бедного, для фаворита при дворе и для крестьянина за плугом.

Во-вторых, эти законы должны предназначаться ни для какой иной конечной цели, кроме как для блага народа.

В-третьих, они не должны повышать налоги на собственность народа без согласия народа, данного им самим или через его представителей. И это, собственно, касается только таких государств, где законодательный орган действует непрерывно или по крайней мере где народ не сохранил какую-то часть законодательной власти за депутатами, которые время от времени избираются им самим.

В-четвертых, законодательный орган не должен и не может передавать законодательную власть кому-либо другому или передоверять ее кому-либо, кроме как тем, кому ее доверил народ.

Глава XII

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ, ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ И ФЕДЕРАТИВНОЙ ВЛАСТИ В ГОСУДАРСТВЕ

143. Законодательная власть — это та власть, которая имеет право указывать, как должна быть употреблена сила государства для сохранения сообщества и его членов... Вот почему в хорошо устроенных государствах, где благо целого принимается во внимание так, как это должно быть, законодательная власть передается в руки различных лиц, которые, собравшись должным образом, обладают сами или совместно с другими властью создавать законы; когда же они это исполнили, то, разделившись вновь, они сами подпадают под действие тех законов, которые были ими созданы; это для них новая и непосредственная обязанность, которая побуждает их следить за тем, чтобы они создавали законы для блага общества.

144. Но так как законы, которые создаются один раз и в короткий срок, обладают постоянной и устойчивой силой и нуждаются в непрерывном исполнении или наблюдении за этим исполнением, то необходимо, чтобы все время существовала власть, которая следила бы за исполнением тех законов, которые

созданы и остаются в силе. И таким образом, законодательную и исполнительную власть часто надо разделять.

145. Существует еще одна власть в каждом государстве, которую можно назвать природной, так как она соответствует той власти, которой по природе обладал каждый человек до того, как он вступил в общество. Ведь хотя в государстве члены его являются отличными друг от друга личностями и в качестве таковых управляются законами общества, все же по отношению к остальной части человечества они составляют одно целое, которое, как прежде каждый из его членов, все еще находится в естественном состоянии по отношению к остальной части человечества. Отсюда следует, что все споры, которые возникают между кем-либо из людей, находящихся в обществе, с теми, которые находятся вне общества, ведутся народом; и ущерб, нанесенный одному из его членов, затрагивает, в вопросе о возмещении этого ущерба, весь народ. Таким образом, принимая это во внимание, все сообщество представляет собой одно целое, находящееся в естественном состоянии по отношению ко всем другим государствам или лицам, не принадлежащим к этому сообществу.

146. Следовательно, сюда относится право войны и мира, право участвовать в коалициях и союзах, равно как и право вести все дела со всеми лицами и сообществами вне данного государства; эту власть, если хотите, можно назвать федеративной. Лишь бы была понята сущность, а что касается названия, то мне это безразлично...

Глава XIII

О СОПОДЧИНЕННОСТИ ВЛАСТЕЙ В ГОСУДАРСТВЕ

149. Хотя в конституционном государстве, опирающемся на свой собственный базис и действующем в соответствии со своей собственной природой, т. е. действующем ради сохранения сообщества, может быть всего одна верховная власть, а именно законодательная, которой все остальные подчиняются, и должны подчиняться, все же законодательная власть представляет собой лишь доверенную власть, которая должна действовать ради определенных целей, и поэтому по-прежнему остается у народа верховная власть устранять или заменять законодательный орган, когда народ видит, что законодательная власть действует вопреки оказанному ей доверию. Ведь вся переданная на основе доверия

власть предназначена для достижения одной цели и ограничивается этой целью; когда же этой целью явно пренебрегают или оказывают ей сопротивление, то доверие по необходимости должно быть отобрано, и власть возвращается в руки тех, кто ее дал, и они снова могут поместить ее так, как они сочтут лучше для их безопасности и благополучия. И таким образом, сообщество постоянно сохраняет верховную власть для спасения себя от покушений и замыслов кого угодно, даже своих законодателей...

Задания к тексту:

1. Опишите причины возникновения общества.
2. Проанализируйте условия существования общества.
3. Объясните, в чем разница между естественным и гражданским состоянием общества?
4. Назовите причины, побуждающие людей создавать государство.
5. Охарактеризуйте формы государственного правления, необходимые для общественного процветания.

ШАРЛЬ ЛУИ МОНТЕСКЬЕ

(1689–1755)

Шарль Луи Секонда Монтескье, барон де Ла Бред, происходил из аристократического рода, жившего в Бордо с начала 15 века. Его отец, будучи младшим сыном в семье, не наследовал родовых земель, но мать принесла мужу в приданое замок Ла Бред. Шарль-Луи был вторым из шестерых детей. Первоначальное образование он получил в ораторианском коллеже в Жюйи, затем, вернувшись в Бордо, изучал право. В 1708 г. стал адвокатом, в 1714 г. – советником парламента Бордо, а два года спустя унаследовал от своего бездетного дяди барона де Монтескье вместе с титулом и именем должность президента бордоского парламента (до 1789 г. парламентами во Франции назывались высшие судебные инстанции). После смерти отца он стал хозяином Ла Бреда, уделял много времени благоустройству своего замка, любил работать на виноградниках, которые были главным источником дохода. Парламентские обязанности занимали его скорее по фамильному долгу, чем по личной склонности: судейское крючкотворство наводило на него скуку. Службу в парламенте он сочетал с занятиями наукой. В 1716 г. Монтескье был избран членом Академии Бордо и написал массу докладов и речей по самым разным разделам естественных наук. В 1721 г. Монтескье анонимно опубликовал книгу, которая стала литературной сенсацией. Цензурный запрет лишь способствовал ее популярности, а имя автора приобрело европейскую известность. В уста героев Монтескье вложил смелую критику политической жизни Франции. Шумная литературная слава привлекла Монтескье в столицу. С трудом сложив с себя судейские обязанности и полномочия президента Академии Бордо, он в 1726 г. перебрался в Париж. В 1728 г. стал членом Французской Академии, а позднее был избран в Лондонскую и Берлинскую Академии. В 1728–1731 гг. Монтескье предпринял длительное путешествие по странам Европы – Австрии, Венгрии, Италии, Швейцарии, Голландии и Англии. Он внимательно изучал законы и обычаи каждой страны, особенности ее географии и климата, темперамент и нравы населения. Полтора года он провел в Англии. Британские государствен-

ные институты произвели на него сильнейшее впечатление, а деятельность парламента вызвала уважение к конституционному правлению.

В конце 1748 г. в Женеве анонимно вышел первый небольшой тираж книги «О Духе законов». Это сочинение приглашало читателя на живописные и «экзотические» прогулки по странам и эпохам, которые позволяли увидеть все разнообразие человеческих обычаев и общественных установлений. Проследив, в зависимости политического устройства от особенностей государства, его размеров, населенности, климата, географической среды, от религии, исповедуемой народом, и его нравов, Монтескье привнес в науку о праве и в гуманитарное знание вообще естественно-научный метод, выступив, в частности, основателем географической школы в социологии.

Последние годы Монтескье провел, совершенствуя текст «Духа законов». Умер он от воспаления легких и погребен в церкви Сен-Сюльпис.

О ДУХЕ ЗАКОНОВ

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

О законах в их отношении к свойствам климата

Глава I. Общая идея

Если справедливо, что характер ума и страсти сердца чрезвычайно различны в различных климатах, то законы должны соответствовать и различию этих страстей, и различию этих характеров.

Глава II. Насколько люди различны в различных климатах

Холодный воздух производит сжатие окончаний внешних волокон нашего тела, отчего напряжение их увеличивается и усиливается приток крови от конечностей к сердцу. Он вызывает сокращение этих мышц и таким образом еще более увеличивает их силу. Наоборот, теплый воздух ослабляет наружные волокна, растягивает их и, следовательно, уменьшает их силу и упругость.

Поэтому в холодных климатах люди крепче. Деятельность сердца и реакция окончаний волокон там совершаются лучше, жидкости находятся в большем равновесии, кровь энергичнее стремится к сердцу, и сердце в свою очередь

обладает большей силой. Эта большая сила должна иметь немало последствий, каковы, например, большее доверие к самому себе, т. е. большее мужество, большее сознание своего превосходства, т. е. меньшее желание мстить, большая уверенность в своей безопасности, т. е. больше прямоты, меньше подозрительности, политиканства и хитрости. Поставьте человека в жаркое замкнутое помещение, и он по вышеуказанным причинам ощутит очень сильное расслабление сердца. И если бы при таких обстоятельствах ему предложили совершить какой-нибудь отважный поступок, то, полагаю, он выказал бы очень мало расположения к этому. Расслабление лишит его душевной бодрости, он будет бояться всего, потому что будет чувствовать себя ни к чему не способным. Народы жарких климатов робки, как старики; народы холодных климатов отважны, как юноши. Обратив внимание на последние войны, которые по своей близости к нам позволяют подметить некоторые легкие и незаметные издали влияния, мы увидим, что народы севера, сражаясь в южных странах, не совершили там таких прекрасных подвигов, как их соотечественники, которые, сражаясь в своем родном климате, обладали всем своим мужеством.

Благодаря силе своих мышц народы севера извлекают из пищи самые грубые соки. Отсюда два последствия: во-первых, частицы лимфы вследствие их значительного размера крепче утверждаются в волокнах и лучше питают их, во-вторых, по причине своей грубости они менее способны придавать некоторую остроту нервному соку, поэтому у этих народов будут крупные тела и мало живости.

Нервы, которые со всех сторон примыкают к нашей кожной ткани, соединены в нервные пучки. Обыкновенно возбуждается не весь нерв, а лишь бесконечно малая часть его. В жарких климатах, где кожная ткань ослаблена, концы нервов развернуты и доступны самому слабому действию самых ничтожных предметов.

В холодных странах кожная ткань сокращена, бугорки ее сжаты и малые нервные клеточки как бы парализованы; впечатление доходит до мозга лишь в том случае, если оно чрезвычайно сильно и овладевает всем нервом целиком. Но известно, что воображение, вкус, чувствительность и живость зависят от восприимчивости к бесконечному множеству малых впечатлений... В холодных климатах чувствительность человека к наслаждениям должна быть очень мала, она должна быть более значительна в странах умеренного климата и

чрезвычайно сильна в жарких странах. Подобно тому, как различают климаты по градусам широты, их можно было бы различать, так сказать, и по степеням чувствительности людей. Я видел оперы в Италии и Англии: те же были пьесы и те же актеры, но одна и та же музыка производила на людей обеих наций столь различное впечатление, так мало волновала одну и приводила в такой восторг другую, что все это казалось непонятным. Так обстоит дело и с ощущением боли: она возбуждается у нас разрывом волокон нашего тела. Создатель природы устроил так, что боль ощущается тем сильнее, чем значительнее эти разрывы. Но очевидно, что массивные тела и грубые волокна народов севера способны подвергаться такому расстройству менее, чем нежные волокна народов жарких стран, душа их поэтому менее чувствительна к ощущению боли. Чтобы пробудить в москвите чувствительность, надо с него содрать кожу.

При такой нежности органов людей жарких стран душа их в высшей степени восприимчива ко всему, что связано с соединением обоих полов; там все ведет к этому предмету.

В северном климате физическая сторона любви едва ощущается с достаточной силой; в умеренном климате любовь, сопровождаемая бесчисленными аксессуарами, прельщает разными приманками, которые кажутся любовью, хотя на самом деле все это еще не любовь; в более жарком климате любовь любят ради нее самой, там она единственная причина счастья, там она сама жизнь.

В южных странах организм нежный, слабый, но чувствительный, предается любви, которая непрерывно зарождается и удовлетворяется в гареме, а при более независимом положении женщин связана со множеством опасностей. В северных странах организм здоровый, крепко сложенный, но тяжеловесный, находит удовольствие во всякой деятельности, которая может расшевелить душу: в охоте, странствованиях, войне к вине. В северном климате вы увидите людей, у которых мало пороков, немало добродетелей и много искренности и прямоты. По мере приближения к югу вы как бы удаляетесь от самой морали: там вместе с усилением страстей умножаются преступления, и каждый старается превзойти других во всем, что может благоприятствовать этим страстям. В странах умеренного климата вы увидите народы, непостоянные в своем поведении и даже в своих пороках и добродетелях, так как недостаточно определенные свойства этого климата не в состоянии дать им устойчивость.

В климате чрезмерно жарком тело совершенно лишается силы. Тогда расслабление тела переходит и на душу: такой человек ко всему равнодушен, не любопытен, не способен ни на какой благородный подвиг, ни на какое проявление великодушия, все его склонности приобретают пассивный характер, лень становится счастьем, там предпочитают переносить наказания, чем принуждать себя к деятельности духа, и рабство кажется более легким, чем усилия разума, необходимые для того, чтобы самому управлять собою.

Глава X О законах, относящихся к трезвости народов

В жарких странах водянистая часть крови сильно улетучивается вследствие испарины, и ее нужно восполнять подобною же жидкостью. Поэтому вода там в большом употреблении; крепкие же напитки произвели бы там сгущение кровяных шариков, которые остаются после испарения водянистых частей крови.

В холодных странах водянистая часть крови испаряется слабо, она остается в крови в изобилии, поэтому там можно употреблять спиртные напитки, не опасаясь сгущения крови. Там тела переполнены влагой, и крепкие напитки, усиливающие движение крови, не будут неуместны.

Закон Магомета, запрещающий пить вино, является, таким образом, законом самого климата Аравии; известно, что вода и до Магомета была обычным напитком арабов. Карфагенский закон, запрещавший употребление вина, был тоже законом климата; и в самом деле, обе эти страны имеют почти одинаковый климат.

Подобный закон не годился бы для холодных стран, где в силу климата развивается некоторое национальное пьянство, сильно отличающееся от пьянства отдельного лица. Пьянство распространено по всей земле в прямом отношении к холоду и сырости климата. Двигаясь от экватора к нашему полюсу, вы увидите, что пьянство возрастает вместе с градусами широты. Двигаясь от экватора к полюсу, противоположному нашему, вы увидите, что тут оно возрастает в направлении к югу, подобно тому как там возрастало в направлении к северу.

Естественно, что там, где употребление вина противно климату, а, следовательно, и здоровью, злоупотребление им наказывается строже, чем в странах,

где дурные последствия пьянства не велики как для личности, так и для общества и где оно только дурманит людей, а не делает их свирепыми. Поэтому закон, каравший пьяного человека и за совершенный им проступок, и за его пьянство, касался только его личного, а не национального пьянства. Немец напивается по обычаю, испанец – по личному желанию.

В жарких странах вследствие расслабленного состояния волокон происходит сильное выделение жидкостей посредством испарения, но твердые части тела сохраняются лучше. Волокна, действующие вяло и с малым напряжением, почти не изнашиваются, и требуется немного питательных соков для их восстановления; поэтому люди там очень умеренны в пище.

От различия в потребностях, порождаемого различием климатов, происходит различие в образе жизни, а от различия в образе жизни – различие законов. Для народа, у которого существует большое общение между людьми, нужны одни законы, для народа, у которого такого общения нет, – другие.

Глава XIII Следствия, вытекающие из климата Англии

Для нации, у которой порождаемая климатом болезнь удручает душу до такой степени, что поселяет в ней отвращение ко всему на свете, вплоть до самой жизни, для людей, которым все стало невыносимо, – наиболее подходящим образом правления был бы тот, при котором они не могли бы возлагать вину за свое несчастье на одно лицо, при котором страной управляют не столько люди, сколько законы, и потому для изменения государственного строя пришлось бы ниспровергать самые законы.

И если бы при этом та же нация получила от климата некоторую нетерпеливость характера, которая не позволяла бы ей долго терпеть однообразие, то очевидно, что образ правления, о котором мы только что говорили, оказался бы для нее еще более подходящим.

Эта нетерпеливость характера сама по себе еще не имеет большого значения, но в соединении с мужеством она может стать великим благом.

Она не похожа на ту легкость, с которой люди принимаются за дела неизвестно зачем и оставляют их неизвестно почему. Она ближе к настойчивости, потому что порождается таким живым ощущением зла, которое не притупляется даже привычкой терпеть его.

Такой характер у народа свободного был бы очень большим препятствием для происков тирании, действия которой обыкновенно бывают столь же вялы и медлительны при ее начале, как они быстры и решительны в конце, которая начинает помогать одной рукой для того, чтобы вслед затем угнетать всем бесчисленным множеством своих рук.

Порабощению всегда предшествует усыпление. Но народ, который не знает покоя ни в каком положении, который постоянно как бы ощупывает себя, обнаруживая все свои больные места, такой народ не может поддаться сну.

Политика – беззвучная пила, которая незаметно совершает свою работу и медленно достигает своей цели. Но люди, о которых мы только что говорили, не были бы в состоянии выдержать медлительность, мелочность хладнокровных переговоров; тут они нередко оказывались бы слабее всякой другой нации и могли бы утратить посредством своих трактатов то, что приобрели своим оружием.

КНИГА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

О законах в их отношении к основным началам, образующим общий дух, нравы и обычаи народа

Глава IV Что такое общий дух

Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа.

Чем более усиливается в народе действие одной из этих причин, тем более ослабляется действие прочих. Над дикарями властвуют почти исключительно природа и климат, китайцами управляют обычаи, в Японии тираническая власть принадлежит законам, над Лакедемоном в былое время господствовали нравы, принципы правления и нравы старины господствовали в Риме.

Глава V О том, как важно избегать всего, что может изменить общий дух нации

Если бы на свете был народ с общительным нравом, открытым сердцем, веселым характером, одаренный вкусом и способностью легко сообщать свои

мысли; если бы это был народ живой, приятный, веселый, иногда ветреный, часто нескромный, и если бы при этом он обладал мужеством, великодушием и определенными понятиями о чести, то не следовало бы стеснять законами его обычаев, чтобы не стеснить и его добродетелей. Если характер в целом хорош, то не беда, если в нем оказываются и некоторые недостатки.

У такого народа можно было бы обуздать женщин, создать законы для исправления их нравов и ограничения их роскоши; но почему знать, не утратил ли бы он от этого тот вкус, который является источником его богатства, и ту вежливость, которая привлекает к нему иностранцев?

Законодатель должен сообразоваться с народным духом, поскольку этот дух не противен принципам правления, так как лучше всего мы делаем то, что делаем свободно и в согласии с нашим природным гением.

Внушите дух педантизма народу, веселому по своей природе, – и государство ничего не выиграет от этого ни для своего внешнего, ни для своего внутреннего благополучия. Не мешайте же этому народу серьезно заниматься пустяками и весело – серьезными делами.

Глава XII О нравах и обычаях в деспотическом государстве

Один из основных принципов деспотического государства состоит в том, что там никогда не следует изменять нравы и обычаи. Ничто скорее этого не вызовет там революции. Причина тут в том, что в этих государствах, так сказать, совсем нет законов. Там есть только нравы и обычаи, разрушив их, вы разрушите все. Законы издаются, а нравы внушаются; последние более зависят от общего духа, а первые – от отдельных учреждений; но извращать общий дух столь же и даже более опасно, чем изменять отдельные учреждения. Люди менее общаются друг с другом в странах, где каждый и как начальник, и как подчиненный проявляет произвольную власть и страдает от нее, чем в тех странах, где свобода господствует во всех сословиях. Поэтому нравы и обычаи там менее изменяются, а наиболее укоренившиеся обычаи приближаются к законам. Государю или законодателю приходится там нарушать нравы и обычаи в меньшей степени, чем в любой другой стране мира. Женщин там обыкновенно держат взаперти, и они не имеют никакого влияния. В других странах, где они живут в обществе мужчин, их желание нравиться, а также желание мужчин нра-

виться им производят постоянные перемены в обычаях. Оба пола портятся и утрачивают свои отличительные и существенные качества; то, что было непреложным, становится произвольным, и обычаи изменяются с каждым днем.

Глава XIV Каковы естественные средства изменения нравов и обычаев народа

Мы сказали, что законы являются частными и точно определенными установлениями законодателя, а нравы и обычаи — установлениями народа в целом. Отсюда следует, что тот, кто желает изменить нравы и обычаи, не должен изменять их посредством законов: это показалось бы слишком тираническим; лучше изменять их посредством внедрения иных нравов и иных обычаев.

Итак, государь, который пожелает произвести большие перемены в своем народе, должен преобразовать посредством законов то, что установлено законами, и изменять посредством обычаев то, что установлено обычаями. Изменять же посредством законов то, что должно быть изменено посредством обычаев, — очень дурная политика.

Закон, обязывавший московитов брить бороду и укорачивать платье, и насилие Петра I, приказывавшего обрезать до колен длинные одежды каждого, кто входил в город, были порождением тирании. Есть средства бороться с преступлениями: это наказания; есть средства для изменения обычаев: это примеры.

Легкость и быстрота, с которыми этот народ приобщился к цивилизации, неопровержимо доказали, что его государь был о нем слишком дурного мнения и что его народы вовсе не были скотами, как он отзывался о них. Насильственные средства, которые он употреблял, были бесполезны: он мог бы достигнуть своей цели и кротостью. Он и сам видел, как легко совершались эти перемены. Женщины были затворницами и в известном смысле рабынями.

Он призвал их ко двору, велел им одеться по немецкой моде, он сам посылал им материи на платье, — и женщины тотчас же полюбили новый образ жизни, столь благоприятствовавший развитию их вкуса, тщеславия и страстей, и заставили полюбить его и мужчин. Преобразования облегчались тем обстоятельством, что существовавшие нравы не соответствовали климату страны и были занесены в нее смешением разных народов и завоеваниями. Петр I сооб-

шил европейские нравы и обычаи европейскому народу с такой легкостью, которой он и сам не ожидал. Власть климата сильнее всех иных властей.

Итак, он не нуждался в законах для изменения нравов и обычаев своего народа; было бы достаточно, если бы он сообщил этому народу другие нравы и другие обычаи.

Народы, как правило, очень привязаны к своим обычаям и лишать их этих обычаев при помощи насилия – значит делать их несчастными: поэтому надо не изменять обычаи народа, а побуждать народ к тому, чтобы он сам изменил их. Всякое наказание, не обусловленное необходимостью, есть тирания. Закон не есть простое проявление силы; вещи, по своей природе безразличные, не входят в круг его компетенции.

Задания к тексту:

1. Охарактеризуйте факторы, оказывающие влияние на развитие общества.
2. Проанализируйте зависимость социального типа индивида от климата.
3. Объясните, как климат влияет на образ жизни людей и их законы.
4. Проанализируйте зависимость климата и формы правления.
5. Опишите особенности связи нравов и законов друг с другом и с народами, где они существуют.

ИММАНУИЛ КАНТ

(1724–1804)

Родился в небогатой семье ремесленника-седельщика. Мальчик был назван в честь святого Эммануила, в переводе с древнееврейского языка имя означает «с нами Бог». Кант окончил престижную гимназию «Фридрихс-Коллегиум», а затем поступил в Кёнигсбергский университет. Из-за смерти отца завершить учёбу ему не удалось и, чтобы прокормить семью, Кант на 10 лет становится домашним учителем. В 1755 г. Кант защитил диссертацию и получил докторскую степень, что дало ему право преподавать в университете. Начались сорок лет преподавательской деятельности. Причудами судьбы Кенигсберг на время попал под юрисдикцию российского правительства, что нашло отражение в деловой переписке философа. В частности, прошение на должность ординарного профессора в 1758 г. он адресует императрице Елизавете Петровне.

В 1770 году в возрасте 46 лет он назначен профессором логики и метафизики Кёнигсбергского университета, где до 1797 г. преподавал обширный цикл дисциплин – философских, математических, физических. В этот период Кантом были написаны фундаментальные философские работы, принесшие учёному репутацию одного из выдающихся мыслителей XVIII века и оказавшие огромное влияние на дальнейшее развитие мировой философской мысли. Умер Кант в 1804 году в Кёнигсберге, где и был похоронен.

Кант в работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784) изложил фундаментальные принципы социального прогресса. О. Конт – основоположник социологии, ознакомившись с кантовскими размышлениями о прогрессе уже после того, как сложилась и была обнародована его собственная концепция, выразил полную солидарность с их автором, признав за ним несомненный приоритет в деле разработки прогресса.

ИДЕЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ВО ВСЕМИРНО-ГРАЖДАНСКОМ ПЛАНЕ

Какое бы понятие мы ни составили себе с метафизической точки зрения о свободе воли, необходимо, однако, признать, что проявления воли, человеческие поступки, подобно всякому другому явлению природы определяются общими законами природы. История, занимающаяся изучением этих проявлений, как бы глубоко ни были скрыты их причины, позволяет думать, что если бы она рассматривала действия свободы человеческой воли в совокупности, то могла бы открыть ее закономерный ход; и то, что представляется запутанным и не поддающимся правилу у отдельных людей, можно было бы признать по отношению ко всему роду человеческому как неизменно поступательное, хотя и медленное, развитие его первичных задатков. Так, браки, обуславливаемые ими рождения и смерти, на которые свободная воля человека имеет столь большое влияние, кажутся не подчиненными никакому правилу, на основании которого можно было бы наперед математически определить их число. Между тем ежегодные данные о них в больших странах показывают, что они также происходят согласно постоянным законам природы, как те столь изменчивые колебания погоды, которые в единичных случаях нельзя заранее определить, но которые в общем непрерывно и равномерно поддерживают произрастание злаков, течение рек и другие устроения природы. Отдельные люди и даже целые народы мало думают о том, что когда они, каждый по своему разумению и часто в ущерб другим, преследуют свои собственные цели, то они незаметно для самих себя идут к неведомой им цели природы как за путеводной нитью и содействуют достижению этой цели, которой, даже если бы она стала им известна, они бы мало интересовались.

Так как люди в своих стремлениях действуют, в общем не чисто инстинктивно, как животные, но и не как разумные граждане мира, по согласованному плану, то кажется, что не может быть у них планомерной истории (так же как, скажем, у пчел или бобров). Нельзя отделаться от некоторого неудовольствия, когда видишь их образ действий на великой мировой арене. Тогда находишь, что при всей мнимой мудрости, кое-где обнаруживающейся в частностях, в конечном счете все в целом соткано из глупости, ребяческого тщеславия, а нередко и из ребяческой злобы и страсти к разрушению. И в конце концов не знаешь,

какое себе составить понятие о нашем роде, столь убежденном в своих преимуществах. Для философа здесь остается один выход: поскольку нельзя предполагать у людей и в совокупности их поступков какую-нибудь разумную собственную цель, нужно попытаться открыть в этом бессмысленном ходе человеческих дел цель природы, на основании которой у существ, действующих без собственного плана, все же была бы возможна история согласно определенному плану природы. Посмотрим, удастся ли нам найти путеводную нить для такой истории, и тогда предоставим природе произвести того человека, который был бы в состоянии ее написать. Ведь породила же она Кеплера, подчинившего неожиданным образом эксцентрические орбиты планет определенным законам, и Ньютона, объяснившего эти законы общей естественной причиной.

Положение первое

Все природные задатки живого существа предназначены для совершенного и целесообразного развития. Это подтверждают внешнее наблюдение над всеми животными и изучение их анатомии. Орган, не имеющий применения, устройство, не достигающее своей цели, представляют собой противоречие в телеологическом учении о природе. В самом деле, если мы отказываемся от этих основоположений, то имеем не закономерную, а бесцельно действующую природу; и, как ни печально, вместо разума путеводной нитью становится случай.

Положение второе

Природные задатки человека (как единственного разумного существа на земле), направленные на применение его разума, развиваются полностью не в индивидуе, а в роде. Разум, которым наделено существо, – это способность расширять за пределы природного инстинкта правила и цели приложения всех его сил; замыслам его нет границ. Но сам разум не действует инстинктивно, а нуждается в испытании, упражнении и обучении, дабы постепенно продвигаться от одной ступени проницательности к другой. Вот почему каждому человеку нужно непомерно долго жить, чтобы научиться наиболее полно использовать свои природные задатки; или если природа установила лишь краткий срок для его существования (как это и есть на самом деле), то ей нужен,

быть может, необозримый ряд поколений, которые последовательно передавали бы друг другу свое просвещение, дабы наконец довести задатки в нашем роде до той степени развития, которая полностью соответствует ее цели. И этот момент должен быть, по крайней мере, в мыслях человека, целью его стремлений, иначе природные задатки следовало бы рассматривать большей частью как бесполезные и бесцельные; а это свело бы на нет все практические принципы и позволило бы заподозрить природу, мудрость которой должна служить правилом при рассмотрении всех прочих установлений, в том, что только с человеком она сыграла глупую шутку.

Положение третье

Природа хотела, чтобы человек все то, что находится за пределами механического устройства его животного существования, всецело произвел из себя и заслужил только то счастье или совершенство, которое он сам создает свободно от инстинкта, своим собственным разумом. Природа не делает ничего лишнего и не расточительна в применении средств для своих целей. Так как она дала человеку разум и основывающуюся на нем свободную волю, то уже это было ясным свидетельством ее намерения наделить его [способностями]. Она не хотела, чтобы он руководствовался инстинктом или был обеспечен прирожденными знаниями и обучен им, она хотела, чтобы он все произвел из себя. Изыскание средств питания, одежды и крова, обеспечение внешней безопасности и защиты (для чего она дала ему не рога быка, не когти льва и не зубы собаки, а только руки), все развлечения, могущие сделать жизнь приятной, даже его проницательность и ум, даже доброта его воли, — все это должно быть исключительно делом его рук. Природа, кажется, здесь сама находит удовольствие в величайшей бережливости, и она так скупно наделила людей животными качествами, так строго нацелила уже первоначальное существование их на высшую потребность, как если бы она хотела, чтобы человек, когда он от величайшей грубости возвысится до величайшей искусности, до внутреннего совершенства образа мыслей (поскольку это возможно на земле) и благодаря этому достигнет счастья, — чтобы только он воспользовался плодами своих трудов и был обязан ими только самому себе. Похоже на то, что она рассчитывала больше на его разумную самооценку, чем на его внешнее благополучие. Ведь

на этом пути человека ждут неисчислимые трудности. Кажется, однако, что природа беспокоилась вовсе не о том, чтобы человек жил хорошо, а о том, чтобы он сам достиг такого положения, когда благодаря своему поведению он станет достойным жизни и благополучия. При этом всегда удивляет то, что старшие поколения трудятся в поте лица как будто исключительно ради будущих поколений, а именно для того, чтобы подготовить им ступень, на которой можно было бы выше возводить здание, предначертанное природой, и чтобы только позднейшие поколения имели счастье жить в этом здании, для построения которого работал длинный ряд предшественников (хотя, конечно, не преднамеренно), лишенных возможности пользоваться подготовленным ими счастьем. Но каким бы загадочным ни казался такой порядок, он необходим, если раз навсегда признать, что одаренные разумом животные, которые, как класс разумных существ, все смертны, но род которых бессмертен, должны достигнуть полного развития своих задатков.

Положение четвертое

Средство, которым природа пользуется для того, чтобы осуществить развитие всех задатков людей, – это антагонизм их в обществе, поскольку он в конце концов становится причиной их законосообразного порядка. Под антагонизмом я разумею здесь недоброжелательную общительность людей, т. е. их склонность вступать в общение, связанную, однако, с всеобщим сопротивлением, которое постоянно угрожает обществу разъединением. Задатки этого явно заложены в человеческой природе. Человек имеет склонность общаться с себе подобными, ибо в таком состоянии он больше чувствует себя человеком, т. е. чувствует развитие своих природных задатков. Но ему также присуще сильное стремление уединяться (изолироваться), ибо он в то же время находит в себе необщительное свойство – желание все сообразовать только со своим разумением – и поэтому ожидает отовсюду сопротивление, так как он по себе знает, что сам склонен сопротивляться другим. Именно это сопротивление пробуждает все силы человека, заставляет его преодолевать природную лень, и, побуждаемый честолюбием, властолюбием или корыстолюбием, он создает себе положение среди своих ближних, которых он, правда, не может терпеть, но без которых он не может и обойтись. Здесь начинаются первые истинные шаги от

грубости к культуре, которая, собственно, состоит в общественной ценности человека. Здесь постепенно развиваются все таланты, формируется вкус и благодаря успехам просвещения кладется начало для утверждения образа мыслей, способного со временем превратить грубые природные задатки нравственного различия в определенные практические принципы и тем самым патологически вынужденное согласие к жизни в обществе претворить в конце концов в моральное целое. Без этих самих по себе непривлекательных свойств необщительности, порождающих сопротивление, на которое каждый неизбежно должен натолкнуться в своих корыстолюбивых притязаниях, все таланты в условиях жизни аркадских пастухов, [т. е.] в условиях полного единодушия, умеренности и взаимной любви, навсегда остались бы скрытыми в зародыше; люди, столь же кроткие, как овцы, которых они пасут, вряд ли сделали бы свое существование более достойным, чем существование домашних животных; они не заполнили бы пустоту творения в отношении цели его как разумного естества. Поэтому да будет благословенна природа за неуживчивость, за завистливо соперничающее тщеславие, за ненасытную жажду обладать и господствовать! Без них все превосходные природные задатки человечества оставались бы навсегда неразвитыми. Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что для его рода хорошо; и она хочет раздора. Он желает жить беспечно и весело, а природа желает, чтобы он вышел из состояния нерадивости и бездеятельного довольства и окунулся с головой в работу и испытал трудности, чтобы найти средства разумного избавления от этих трудностей. Таким образом, естественные побудительные причины, источники необщительности и всеобщего сопротивления, вызывающие столько бедствий, но и беспрестанно побуждающие человека к новому напряжению сил и, стало быть, к большому развитию природных задатков, прекрасно обнаруживают устройство, созданное мудрым творцом; и здесь вовсе ни при чем злой дух, который будто бы вмешивается в великолепное устройство, созданное творцом, или из зависти портит его.

Положение пятое

Величайшая проблема для человеческого рода, разрешить которую его вынуждает природа, — достижение всеобщего правового гражданского общества. Только в обществе, и именно в таком, в котором членам его предоставля-

ется величайшая свобода, а стало быть существует полный антагонизм и тем не менее самое точное определение и обеспечение свободы ради совместимости ее со свободой других, – только в таком обществе может быть достигнута высшая цель природы развитие всех ее задатков, заложенных в человечестве; при этом природа желает, чтобы эту цель, как и все другие предначертанные ему цели, оно само осуществило. Вот почему такое общество, в котором максимальная свобода под внешними законами сочетается с непреодолимым принуждением, т. е. совершенно справедливое гражданское устройство, должно быть высшей задачей природы для человеческого рода, ибо только посредством разрешения и исполнения этой задачи природа может достигнуть остальных своих целей в отношении нашего рода. Вступать в это состояние принуждения заставляет людей, вообще-то расположенных к полной свободе, беда, и именно величайшая из бед – та, которую причиняют друг другу сами люди, чьи склонности приводят к тому, что при необузданной свободе они не могут долго ужиться друг с другом. Однако в таком ограниченном пространстве, как гражданский союз, эти же человеческие склонности производят впоследствии самое лучшее действие подобно деревьям в лесу, которые именно потому, что каждое из них старается отнять у другого воздух и солнце, заставляют друг друга искать этих благ все выше и благодаря этому растут красивыми и прямыми; между тем как деревья, растущие на свободе, обособленно друг от друга, выпускают свои ветви как попало и растут уродливыми, корявыми и кривыми. Вся культура и искусство, украшающие человечество, самое лучшее общественное устройство – все это плоды необщительности, которая в силу собственной природы сама заставляет дисциплинировать себя и тем самым посредством вынужденного искусства полностью развить природные задатки.

Положение шестое

Эта проблема самая трудная и позднее всех решается человеческим родом. Трудность, которую ясно показывает уже сама идея этой задачи, состоит в следующем: человек есть животное, которое, живя среди других членов своего рода, нуждается в господине. Дело в том, что он обязательно злоупотребляет своей свободой в отношении своих ближних; и хотя он, как разумное существо, желает иметь закон, который определил бы границы свободы для всех, но его

корыстолюбивая животная склонность побуждает его, где это ему нужно, делать для самого себя исключение. Следовательно, он нуждается в господине, который сломил бы его собственную волю и заставил его подчиняться общепризнанной воле, при которой каждый может пользоваться свободой. Где же он может найти такого господина? Только в человеческом роде. Но этот господин также есть животное, нуждающееся в господине. Поэтому, как ни поступит человек в данном случае: предоставит ли он верховную власть одному или сообществу многих избранных для этой цели лиц, нельзя понять, как он создаст себе главу публичной справедливости, который сам был бы справедлив. Ведь каждый облеченный властью всегда будет злоупотреблять своей свободой, когда над ним нет никого, кто распоряжался бы им в соответствии с законами. Верховный глава сам должен быть справедливым и в то же время человеком. Вот почему эта задача самая трудная из всех; более того, полностью решить ее невозможно... . Что эта проблема разрешается позднее всех, следует еще из того, что для этого требуются правильное понятие о природе возможного [государственного] устройства, большой, в течение многих веков приобретенный опыт и, сверх того, добрая воля, готовая принять такое устройство. А сочетание этих трех элементов – дело чрезвычайно трудное, и если оно будет иметь место, то лишь очень поздно, после многих тщетных попыток.

Положение седьмое

Проблема создания совершенного гражданского устройства зависит от проблемы установления законосообразных внешних отношений между государствами и без решения этой последней не может быть решена. Что толку добиваться законосообразного гражданского устройства для отдельных людей, т. е. создания общественного организма? Та же необщительность, которая заставляет людей объединяться, опять-таки служит причиной того, что каждый общественный организм во внешних отношениях, т. е. как государство по отношению к другим государствам, пользуется полной свободой. Следовательно, государства должны ожидать друг от друга таких же несправедливостей, как те, которые притесняли отдельных людей и заставляли их вступать в законообразное гражданское состояние. Природа, таким образом, опять использовала неуживчивость людей, даже больших обществ и государственных организмов

этого рода существ как средство для того, чтобы в неизбежном антагонизме между ними найти состояние покоя и безопасности; другими словами, она посредством войн и требующей чрезвычайного напряжения, никогда не ослабляющей подготовки к ним, посредством бедствий, которые из-за этого должны даже в мирное время ощущаться внутри каждого государства, побуждает сначала к несовершенным попыткам, но, в конце концов, после многих опустошений, разрушений и даже полного внутреннего истощения сил к тому, что разум мог бы подсказать им и без столь печального опыта, а именно выйти из не знающего законов состояния диких и вступить в союз народов, где каждое, даже самое маленькое государство могло бы ожидать своей безопасности и прав не от своих собственных сил или собственного справедливого суждения, а исключительно от такого великого союза народов (*foedus Amphictyonum*), от объединенной мощи и от решения в соответствии с законами объединенной воли. Какой бы фантастической ни казалась эта идея... это, однако, неизбежный выход из бедственного положения, в которое люди приводят друг друга и которое заставляет государства принять именно то решение (с какими бы трудностями это ни было сопряжено), к которому дикий человек был также вынужден прибегнуть, а именно пожертвовать своей животной свободой и искать покоя и безопасности в законосообразном [государственном] устройстве. С этой точки зрения все войны представляют собой многочисленные попытки (правда, не как цель человека, а как цель природы) создать новые отношения между государствами и посредством разрушения или хотя бы раздробления всех образовать новые объединения, которые, однако, опять-таки либо в силу внутреннего разлада, либо вследствие внешних распрей не могут сохраниться и потому должны претерпевать новые, аналогичные революции, пока наконец отчасти благодаря наилучшей внутренней системе гражданского устройства, отчасти же благодаря общему соглашению между государствами и международному законодательству не будет достигнуто состояние, которое подобно гражданскому обществу сможет, как автомат, существовать самостоятельно.

Какого бы мнения мы ни придерживались, ожидаем ли мы этого как результата эпикурейского стечения действующих причин, благодаря которым государства – подобно мельчайшим частицам материи из-за их случайного столкновения – испробуют всевозможные образования, которые вследствие новых столкновений вновь будут разрушены, пока наконец одно из подобных об-

разований случайно не получится и ему удастся сохранить свою форму (счастливый случай, который вряд ли произойдет когда-нибудь!); допускаем ли мы, что природа идет своим закономерным порядком, приводя наш род постепенно от низшей степени животности к высшей степени – человечности, и притом с помощью собственного, хотя и вынужденного, искусства человека, и развивая в этом кажущемся диким беспорядке вполне закономерно первоначальные задатки; или мы предпочитаем признать, что в итоге всех этих действий и противодействий людей вообще ничего не получится, по крайней мере ничего разумного, что все останется, как было раньше, и что поэтому нельзя заранее сказать, не подготовит ли нам в конце концов несогласие, столь естественное для нашего рода, ад крошечный, полный страданий, на какой бы высокой ступени цивилизации мы ни находились, именно тем, что человечество, быть может, вновь уничтожит варварскими опустошениями самое эту ступень и все достигнутые успехи культуры (судьба, против которой при господстве слепого случая нельзя устоять, а ведь такое господство, если ему не приписать тайно связанной с мудростью путеводной нити природы, на деле тождественно анархической свободе!), – вопрос здесь сводится приблизительно к следующему: разумно ли признавать устройство природы целесообразным в частях и бесцельным в целом? Итак, то, что совершает лишнее всякой цели состояние дикого, задерживающее развитие всех природных задатков нашего рода, но, в конце концов, через бедствия, которые оно ему причиняет, заставляющее его выйти из этого состояния и вступить в гражданское устройство, где все эти [естественные] зачатки могут развиваться, – то же делает и варварская свобода уже образовавшихся государств, а именно хотя использование друг против друга всех сил общества для вооружения, вызываемые войной опустошения, а еще в большей степени необходимость быть всегда к ней готовым и задерживают развитие природных задатков, но зато бедствия, отсюда вытекающие, заставляют наш род найти закон равновесия для самого по себе благотворного столкновения между соседними государствами, вызываемого их свободой, и создать объединенную власть для придания этому закону силы, стало быть, создать всемирно-гражданское состояние публичной государственной безопасности. Это состояние таит в себе некоторую опасность: достигнув его, силы человечества могут быть ослаблены, однако в нем также действует принцип равенства их действия и противодействия, не позволяющий им разрушить друг друга. До совершения этого послед-

него шага (а именно образования союза государств), стало быть, почти на полпути к этому образованию человеческая природа испытывает наиболее тяжкие бедствия при обманчивой видимости внешнего благополучия. И Руссо вовсе не так уж не прав, предпочитая состояние диких, коль скоро упускают из виду последнюю ступень, на которую нашему роду еще предстоит подняться. Благодаря искусству и науке мы достигли высокой ступени культуры. Мы чересчур цивилизованы в смысле всякой учтивости и вежливости в общении друг с другом. Но нам еще многого недостает, чтобы считать нас нравственно совершенными. В самом деле, идея моральности относится к культуре; однако применение этой идеи, которое сводится только к подобию нравственного в любви к чести и во внешней пристойности, составляет лишь цивилизацию. Но пока государства тратят все свои силы на достижение своих тщеславных и насильственных завоевательных целей и потому постоянно затрудняют медленную работу над внутренним совершенствованием образа мыслей своих граждан, лишая их даже всякого содействия в этом направлении, — нельзя ожидать какого-либо улучшения в сфере морали. Ибо для этого необходимо долгое внутреннее совершенствование каждого общества ради воспитания своих граждан. А все доброе, не привитое на морально добром образе мыслей, есть не более как видимость и позлащенная нищета. В этом состоянии род человеческий останется до тех пор, пока он не выйдет указанным нам путем из хаотического состояния отношений между государствами.

Положение восьмое

Историю человеческого рода в целом можно рассматривать как выполнение тайного плана природы — осуществить внутренне и для этой цели также внешне совершенное государственное устройство как единственное состояние, в котором она может полностью развить все задатки, вложенные ею в человечество. Это положение вытекает из предыдущего. Мы видим, что философия также может иметь свой хилиазм, но такой, проведению которого сама ее идея может, хотя и весьма отдаленно, содействовать и который вовсе не фантастичен. Вопрос только в том, открывает ли опыт что-нибудь о таком исполнении цели природы. Я отвечаю: немного, ибо этот круговорот требует, по видимому, для своего завершения столько времени, что из той малой части, ко-

тую человечество прошло в этом направлении, нельзя вполне уверенно составить себе представление обо всем пути и об отношении частей к целому, как и на основании всех произведенных до настоящего времени астрономических наблюдений определить движение, совершаемое нашим Солнцем вместе со всем сонмом своих спутников в великой системе неподвижных звезд, несмотря на то, что общее основание систематического устройства вселенной и немногие уже сделанные наблюдения достаточно достоверны, чтобы заключить к действительности такого круговорота. Между тем человеческая природа такова, что мы не можем оставаться равнодушными даже к отдаленнейшей эпохе, в которую еще будет существовать наш род, если только ее можно с уверенностью ожидать. В особенности в данном случае такого равнодушия тем более не может быть, что мы могли бы, кажется, с помощью нашего собственного разумного устройства приблизить наступление этого столь радостного для наших потомков момента. Поэтому для нас самих весьма важны даже слабые признаки его приближения. В настоящее время отношения между государствами столь сложны, что ни одно не может снизить внутреннюю культуру, не теряя в силе и влиянии по сравнению с другими. Таким образом, если не успехи, то, по крайней мере, сохранение этой цели природы в достаточной мере обеспечивается даже честолюбивыми стремлениями государств. Далее, гражданскую свободу теперь так же нельзя сколько-нибудь значительно нарушить, не нанося ущерба всем отраслям хозяйства, особенно торговле, а тем самым не ослабляя сил государства в его внешних делах. Эта свобода постепенно развивается. Когда препятствуют гражданину строить свое благополучие выбранным им способом, совместимым со свободой других, то лишают жизнеспособности все производство и тем самым опять-таки уменьшают силы целого. Вот почему все более решительно упраздняется ограничение личности в ее деятельности, а всеобщая свобода вероисповедания все более расширяется. Так постепенно, преодолевая заблуждения и иллюзии, возникает просвещение как великое благо, которое человеческий род извлекает даже из корыстолюбивого стремления своих повелителей к господству, когда они понимают свою собственную выгоду. Но это просвещение, а вместе с ним и некая неизбежно возникающая душевная заинтересованность просвещенного человека в добром, которое он постигает полностью, должны постепенно доходить до верховных правителей и получить влияние даже на принципы управления. Хотя, например, наши мироправители

теперь не имеют средств на общедоступные воспитательные учреждения и вообще на все то, что создается для общего блага, поскольку все заранее откладывается для будущей войны, они, тем не менее, увидят собственную выгоду в том, чтобы, по крайней мере, не препятствовать самостоятельным, хотя и незначительным, усилиям своего народа в этом деле. Наконец, сама война постепенно становится не только искусственной и по своему исходу для обеих сторон сомнительной, но – ввиду печальных последствий, которые государства ощущают от все растущего бремени долгов (новое изобретение), погашению которых нет конца, – рискованным предприятием, причем влияние, которое разорение каждого государства в нашей благодаря промышленности столь тесно спаянной части света оказывает на другие государства, так, заметно, что эти государства под давлением угрожающей им самой опасности предлагают себя в качестве третейских судей, не имея, правда, законного основания на это, и таким образом постепенно готовятся к будущему великому государственному объединению, примера которого наши предки не показывали. Хотя в настоящее время имеется только весьма грубый набросок такого государственного объединения, тем не менее все будущие его члены уже как будто проникаются сознанием необходимости сохранения целого в интересах каждого из них. И это вселяет в нас надежду, что после некоторых преобразовательных революций осуществится наконец то, что природа наметила своей высшей целью, а именно всеобщее всемирно-гражданское состояние, как оно, в котором разовьются все первоначальные задатки человеческого рода.

Задания к тексту:

1. Перечислите и охарактеризуйте факторы социального прогресса.
2. Дайте анализ «инструментов», используемых человеком для достижения социального прогресса.
3. Опишите общество, обеспечивающее максимальное развитие человеческого рода.
4. Поясните роль культуры и просвещения в социальном развитии.
5. Проанализируйте трудности, с которыми человек сталкивается в ходе социального развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ

1. Платон. Государство / Платон. Соч. : в 4 т.; т. 3. – М.: Мысль, 1994. – С. 327–359.
2. Электронный ресурс: http://society.polbu.ru/plathon_gosudarstvo/ch06_i.html
3. Аристотель. Политика / Аристотель. Соч. : в 4 т.; т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 376–644.
4. Электронный ресурс: http://krotov.info/lib_sec/01_a/ari/stotel_02.htm
5. Макиавелли Н. Избранные произведения / Н. Макиавелли. – М.: Худ. лит., 1982.
6. Электронный ресурс: <http://www.philosophy.ru/library/machiavelli/0.html>
7. Мор Т. Утопия. / Т. Мор. – М., 1978.
8. Электронный ресурс: <http://lib.ru/INOOLD/MOR/utopia.txt>
9. Локк Дж. Сочинения : в 3 т.; т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 137–405.
10. Электронный ресурс: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/43657>
11. Монтескье Ш. Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
12. Электронный ресурс: http://webreading.ru/sci_/sci_history/sharl-monteske-izbrannie-proizvedeniya-o-duhe-zakonov.html
13. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // И. Кант Соч. : в 6 т.; т. 6. – М., 1966.
14. Электронный ресурс: <http://philosophy.globala.ru/idx/3893.html>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ПЛАТОН.....	5
Государство.....	6
АРИСТОТЕЛЬ.....	14
Политика.....	15
НИКОЛЛО МАКИАВЕЛЛИ.....	30
Государь.....	31
ТОМАС МОР.....	40
Утопия.....	41
ДЖОН ЛОКК.....	50
Два трактата о государственном правлении.....	51
ШАРЛЬ ЛУИ МОНТЕСКЬЕ.....	57
О духе законов.....	58
ИММАНУИЛ КАНТ.....	67
Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане.....	68
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ.....	81

Навчальне видання

БАЙДАК Тетяна Михайлівна

**ІСТОРІЯ СОЦІОЛОГІЇ
ПРОТОСОЦІОЛОГІЯ**

для студентів, що навчаються
за напрямом підготовки 6.030101 «Соціологія»

Російською мовою

Відповідальний за випуск О. М. Поступний
Роботу до видання рекомендував В. І. Ніколаєнко

Редактор О.І. Шпільова
Комп'ютерна верстка О. С. Курандо

План 2013 р., поз. 95

Підп. до друку 23.05.2014 р. Формат 60х84 1/16. Папір офсетний.
Riso-друк. Гарнітура Таймс. Ум. друк. арк. 4,6
Наклад 50 прим. Зам. № Ціна договірна

Видавничий центр НТУ «ХПІ». 61002, Харків, вул. Фрунзе, 21
Свідоцтво про державну реєстрацію ДК № 3657 від 24.12.2009 р.

Надруковано у копії-центрі «МОДЕЛІСТ»
(ФО-П Миронов М.В., свідоцтво ВО4№022953)
м. Харків, вул. Червонопрапорна, 3 літер Б-1
Тел. 7-170-354